

Анастасия Писарева

О ЧЕМ МОЛЧИТ Биг-Бен

русский **и**ностранец

ШЕ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Русский іностранец

Анастасия Писарева

О чем молчит Биг-Бен

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Писарева А. А.

О чем молчит Биг-Бен / А. А. Писарева — «Издательство АСТ»,
2021 — (Русский иностранец)

ISBN 978-5-17-137233-0

Его Величество Офис. Совещания, отчеты, таблицы. Москвичка переезжает в Лондон работать в огромной компании и выглядит в ней белой вороной. Здесь не приняты искренность, дружелюбие, открытость: каждый преследует свои цели. Героиню затягивает в этот мир, где манипуляции и ложь ведут к карьерному успеху – надо лишь принять его правила... Здесь изменчива и абсурдна даже Темза, и только вечный Биг-Бен знает правду. «Тот редкий случай, когда увлекательная “офисная история” становится подлинной литературой» (Елена Чижова).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137233-0

© Писарева А. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анастасия Александровна Писарева

О чем молчит Биг-Бен

© Писарева А.А.

© ООО «Издательство АСТ»

Часть 1

Осень. Начало

В комнате японки пахнет нафталином.

– Она никогда не проветривает, – осторожно сообщает хозяйка. – По правде говоря, не представляю, как она живет в этом запахе. Мне кажется, из-за этого она слегка... не в себе.

Комната по лондонским меркам огромная. Угловая. Два окна в одной стене, одно – в другой. Двухспальная кровать, за ней к окну придвинут раскладывающийся диван. Шкаф из темного дерева. Белые стены. Красные занавески, и лампа тоже красная. Как там было в детской страшилке: мама отправила дочь в магазин и сказала, купи что хочешь, но главное, не покупай красные занавески. А в магазине – только они, и никуда не деться девочке от красных занавесок.

Она мать не послушала и...

Какой-то дикий, нечеловеческий беспорядок.

На полу, на комод, на диване набросаны вещи. Кровать не убрана. Забитое мусорное ведро в изголовье. На столике перед диваном – грязная одноразовая посуда. Много-много тарелок с остатками засохшей еды. Стоят, наверное, уже не один день. Она точно японка?

– Здесь светло...

– Конечно, к вашему переезду все будет убрано и проветрено, – хозяйка заглядывает мне в глаза, словно рассчитывает прочитать мысли.

Хозяйка – пакистанка, но давно обосновалась в Англии, купила дом. В нем выверена каждая мелочь. В гостиной – светло-зеленый цвет стен, массивный, из дерева журнальный столик, две картины над камином: на одной красный цветок на зеленом фоне, на другой металлический петух. Мягкие диваны вокруг стола. Как белые сугробы. В столовой над обеденным столом стеклянным конусом устремляется вверх потолок. Идет дождь, и капли, ударяясь о конус, расплющиваются и сбегает вниз по стеклу. Она и сама здесь живет, и сдает комнаты постояльцам. А тут эта японка. Как она вообще проникла в этот дом?

Мои нынешние апартаменты на Тауэр-Хилл оплачивает компания, но только две недели. За это время я должна найти себе жилье и перебраться. Это мой третий просмотр – комната в красивом двухэтажном доме у метро «Баронс Корт». Два других – крохотные клетушки. Одна в Пимлико. Другая в Патни. А здесь тихое место, и от центра недалеко.

Я изучаю светлый ковролин – никакое проветривание не изгонит из него запах нафталина. Это на года.

– Не знаю. Я только на днях приехала. Комната очень хорошая, большая... Вы знаете, мне уже пора – опаздываю на встречу. Давайте я подумаю и в ближайшие дни позвоню.

Хозяйка вдруг вцепляется в меня.

– Когда позвоните? Я не буду пока больше никому показывать комнату!

– Ну...

– В субботу? Подумайте, а в субботу приезжайте еще раз, посмотрите внимательнее, с другими девочками познакомьтесь. Они тоже очень милые. Вы найдете общий язык.

Закрывая за мной дверь, она улыбается:

– Мне бы очень хотелось сдать комнату именно вам!

Я не соврала и уже опаздываю на встречу к Терезе. Она написала мне, когда я была еще в Москве.

«Привет, Ксения,

Гюнтер сказал, мы будем работать вместе:)) Очень рада, что такой человек станет частью нашей команды – нам нужны люди, знающие свое

дело. Когда ты выйдешь, я буду в отпуске. Может, у тебя получится увидеться пораньше? Я введу тебя в курс дела и со всеми познакомлю!

Всего хорошего:))))))

Тереза Новак».

На огромном вокзале Ватерлоо потеряться – пара пустяков. Лишь оказавшись перед стеной, я понимаю, что бежала не в ту сторону. Народу здесь меньше. Слева от меня – платформы, откуда уходят пригородные поезда. Разворачиваюсь, бегу в другую сторону и попадаю на вывернутую щебенку улочки Lower Marsh. Нижние Болота по-русски. Название говорит само за себя. Эти Нижние Болота перекрыты для движения, раскурочены, вздымлены от снятого асфальта, огорожены то тут, то там строительными заборами. Вывороченная брусчатка смешивается с пылью раскопанного грунта. Рокот бурильной установки за забором и крики рабочих. Трескотня и хаос. Засмотревшись и потерявшись в шуме, я случайно влетаю в одного из строителей. «Осторожно, мэ!» – говорит он мне неожиданно мягким, тягучим баритоном, и наши взгляды пересекаются. На мгновение зеленые глаза и звук этого голоса словно вырывают меня из действительности, но я уже бегу дальше.

В свободные от строительства метры обочины втиснулись палатки с самой разной едой – кубинской, тайской, марокканской, китайской, африканской. Ее готовят у тебя на глазах. Все сытно, горячо, сдобрено пахучими, разжигающими аппетит специями и пылью. Тут же лоток с собранной по всему Лондону старинной бронзой – ложками, тарелками, вазами и прочими предметами, покрытыми зеленоватой окисью. Между китайским и тайским лотками – навес с одеждой: рубашки, юбки, платья, легинсы. Такой навес легко мог бы разместиться на каком-нибудь Черкизоне девяностых годов, но продавцы громко переговариваются на английском, и я в очередной раз отмечаю, что теперь вокруг меня все на английском, даже подобие Черкизона.

Хаос вокруг приправлен сырым запахом то ли канализации, то ли гниющего мусора, то ли разлитого на грязном жарком асфальте пива, который, я уже заметила, возникает в Лондоне то там, то тут, но чаще в непосредственной близости от пабов и водостоков.

Изнанка центра.

Уличная суета остается за вращающимися дверями офиса. Солидный темнокожий охранник улыбается и говорит мне: «Здравствуйте! Хорошего дня!»

Я звоню Терезе. Она спускается за мной в холл, и я оказываюсь лицом к лицу с Барби в натуральную величину: светлые волосы, собранные в тугой хвост, округлый высокий лоб, голубые глаза и безупречные черты лица.

– Привет, Ксения, я – Тереза, – говорит она, нависая надо мной сверху, как великан, глядящий себе под ноги. – Ты обедала? Нет? Только сначала давай я тебя представлю отделу.

Этажи насажены на лифтовые шахты, как шашлык на шампур. Получается, шахты – в центре, с прилепившимися к ним техническими помещениями, а дальше – открытое пространство офиса, где все работают. По периметру – окна от пола до потолка, и вдоль них – стеклянные кабинеты, похожие на аквариумы. Вместо рыбок – люди. Вместо водорослей и камешков – жалюзи и столы.

В отдельном стеклянном аквариуме за большим столом сидят мои будущие коллеги. Их лица мелькают быстро, словно во сне. Одинаково неопределенные улыбки. Только парень с прозрачными голубыми глазами не улыбается и смотрит в упор, не мигая. Тереза называет всех по именам, и я не запоминаю никого.

За окном ветер колышет листву, но в закупоренном пространстве не слышно ее шелеста. Душно, кондиционер не справляется.

Тереза раздает инструкции, и мы уходим в кафе. Стоит выйти из аквариума, дышать становится полегче. Пока мы идем к лифтам, мне кажется, я чувствую взгляды, обращенные в спину.

– Обстановка напряженная, заметила? – кивает Тереза. – Работы много, и люди очень устали. Сидим в этой комнате все время, чтобы нам не мешали. Тебе надо будет еще познакомиться с Ксавье и Марком. Ксавье все объяснит. К нему можешь обращаться с любыми вопросами – он в курсе и расскажет, что делать.

– Он – менеджер?

– Нет, консультант, но очень толковый. Марк – директор, но он почти все время проводит у клиента. Так что Ксавье все знает и сориентирует тебя.

Я удивляюсь, что мне будет давать указания консультант. Это нарушает привычную иерархию. Когда мы выходим из лифтов, я забываю об этом. Кафе располагается на последнем этаже здания. Через огромные окна на все четыре стороны открывается панорама Лондона.

Вдали торчат башни Сити. Среди них строящийся, словно перевернутый кверху ногами дом: он походит на гриб и расширяется от основания к крыше. Чуть правее небо протыкает острием небоскреб «Шард», или «Осколок». Вдали между ними, серый и призрачный, как мираж, в дымке солнечного дня примостился новый район офисных небоскребов – Канэри-Уорф. Я замираю от раскинувшегося передо мной вида. Позже я рассмотрю и железнодорожные пути Ватерлоо, и бесконечные леса, которыми заканчивался город с другой стороны, и здание Парламента – Биг-Бен высится перед самым носом на другой стороне реки, – но сейчас я не могу отвести глаз от панорамы лондонских небоскребов. Отчего-то захватывает дух, и я никак не могу разобраться – то ли от восхищения, то ли от какой-то необъяснимой тоски.

– Как разместились? Все в порядке? – спрашивает Тереза, когда мы усаживаемся за столик, и, не дожидаясь ответа, начинает рассказывать.

Марк – главный. Отношения с клиентом прекрасные. Работы много. Она рада, что я приехала. Да, конечно, мне нужно будет вникнуть в то, что происходит. Возможно, кое-что покажется странным. Марк любит все делать сам, отслеживать мельчайшие детали. Она не могла сначала привыкнуть. В Праге было совсем не так! Директор занимался общим контролем, а деталями – менеджеры, но Марк всегда должен знать, что происходит. Это сложно. Иногда ассистенты больше в курсе, чем она, а она же старший менеджер. Но Ксавье помогает, во всем разбирается – очень толковый. С Томом немного сложно в последнее время – это из-за стресса.

– Том – который в очках?

– Да. Кстати, я должна ему сказать... – Она хватается телефон и звонит парню с голубыми глазами.

Они обсуждают отчет, который он должен проверить. Перед нами стоят купленные салаты, и очень хочется есть, но я решаю дождаться, когда она сделает паузу.

Команда замечательная, продолжает она после разговора, не вспомнив про еду. Многие, правда, пришли в компанию недавно, им все надо объяснять, контролировать. Рика вот никак не разберется, что к чему. Она делает описание процесса.

– Как же она делает описание процесса, если не понимает, что к чему? – удивляюсь я.

– Я ей рассказала, а потом ей еще Линда объяснила, так что никаких проблем. Линда – менеджер проекта, помогает все организовать. Иногда с ней сложно – она не всегда улавливает суть и приходится тоже объяснять. Ксавье с этим хорошо справляется.

Не делая пауз, она рассказывает, как устала от работы, что Лондон после Праги очень шумный, что недавно рассталась с женихом. Она никому об этом не говорила, но он работает в соседнем отделе и сидит на нашем этаже, так что рано или поздно все равно все узнают. Они встречались год, жили вместе и собирались пожениться, но он прервал их помолвку. Может, и к лучшему, но он все еще живет с ней в одной квартире. Ищет себе другое жилье. Вообще, здесь не надо никому рассказывать про свою личную жизнь: чем меньше о тебе знают, тем лучше.

Я не выдерживаю:

– Тереза, я, наверное, начну есть. Сегодня успела только позавтракать.

– Конечно, не стесняйся, приятного аппетита! Я не завтракала и вот, видишь, не успеваю пообедать, – глаза ее блестят чуть лихорадочно.

Макароны холодные, но я не замечаю, думаю о том, как хреново, наверное, жить бок о бок с человеком, за которого ты собиралась замуж, а он отменил помолвку. Я ем, а она все еще что-то рассказывает. Я не уверена, помнит ли она, что я сижу рядом, да и вообще, помнит ли, где она.

Когда я уйду, упаковка салата все еще стоит перед ней. Она к ней даже не притронулась.

– Доем на месте, – она словно приходит в себя. Провожает меня на первый этаж, прихватив с собой салат.

* * *

Осень – это тревога. Тихая, неясная. Она медленно напитывает собой холодеющий уличный воздух. Ее приносит ветром вместе с опадающей листвой. Она скрывается за желто-красным цветом, но на самом деле тревога – это черные, тянущиеся в небо ветви деревьев. Уже в ноябре они обнажатся, и это тайное тоже станет явным.

Я уехала из Москвы, до последнего момента не осознавая, что делаю. Наша жизнь текла как обычно. Он готовил ужины, я мыла посуду, убиралась дома. За ужином мы смотрели сериалы. Я ходила в спортзал, он днем работал. У стены стояли сумки и чемоданы с моими собранными вещами, но мы вели себя так, как будто ничего не происходит. Все то же, что и всегда.

Накануне отъезда я больше не могу делать вид. Серый день. С утра я плачу. Уезжаю из дома. Мне нужно просто погулять по городу. Возвращаюсь вечером и снова плачу. «Как будто все закончилось. Я так не могу». Он обнимает меня, успокаивает. «Это зависит только от тебя. Как будешь к этому относиться, так и будет», – говорит он, и я ненадолго верю. Главное – контроль сознания, мыслей. Потом теряю выдержку и снова плачу.

Ночью мы спим плохо. Я как в беспамятстве. Он ворочается. Где-то под утро просыпается. Я сплю и не сплю. Чувствую, как он приподнялся на локте и смотрит на меня. Вдруг его рука осторожно убирает с моего лица упавшую прядь волос. Я неподвижна. Я сплю или не сплю?

Утром быстро собираюсь. Он помогает спустить в такси вещи. Говорить нам, в общем-то, не о чем. После того как я согласилась на Лондон и ждала визу, мы разговаривали только на бытовые и отвлеченные темы. Купи сегодня, пожалуйста, помидоров и огурцов для салата и еще ту белорусскую ветчину, ты знаешь, в прямоугольной банке. Слышал новости? Оппозиция назначила митинг, но в последнюю минуту под надуманным предлогом его запретили, как будто специально народ доводят. Зачем? Непонятно. Завтра обещают похолодание...

Когда утром мы стоим под моросящим дождем, а под ногами у нас скользкий ковер из облетевших листьев, тем больше нет. Просто еще одна история о двух людях, у которых не сложилось. Быстро целуемся. Я сажусь в такси. Уезжаю. Это все.

Впереди Лондон.

По пути в аэропорт я впервые думаю о том, как оно вообще так получилось.

Это все Гюнтер. Он немец и был партнером в московской транснациональной конторе, откуда я ушла полтора года назад. Теперь он перебрался в Лондон. В начале года он написал мне: «Ты удивишься, но не хотела бы ты поработать в Лондоне?» Я и правда удивилась. Его настойчивости. Это четвертое предложение за два года. Гюнтер очень хочет вытащить меня обратно в контору, но не складывается. Сначала Кения, но она пролетает, потому что он попадает в больницу. Вместо Кении спустя пару месяцев возникает тема Йоханнесбурга. «А море там есть?» – думаю я и лезу смотреть карту. Моря там нет. Одна суша. И уровень преступности зашкаливает. Еще и далеко. Я отказываюсь. Милан звучит интереснее. Не так экзотично.

Ближе. Я даже еду туда на интервью, но в мире – кризис, а в Италии – безработица. Иностранцам очень сложно получить разрешение на работу. Квоту на меня не дают. Полгода мы изредка перезваниваемся, после чего все тихо сходит на нет. Я не расстраиваюсь.

В те месяцы мне часто снится сон. Я снова выхожу на работу в контору. Ничего не изменилось. Все так же, как раньше. Занимаю стол среди коллег. Странно! Столько всего произошло за эти годы, а тут, как в космосе, ощущение, что прошло всего лишь полчаса, как я отсутствовала. Снова солнце. В отдалении между домами торчит шпиль – башня Кремля. Знакомые красно-серые интерьеры. Звонят телефоны. Привычно шумит принтер. Горы файлов на столе. Коллега поворачивается ко мне со словами: «Идем через десять минут на обед?» Мне уютно. Тепло. Комфортно. И очень спокойно. Моя жизнь закончилась. Я уже умерла. Возвращение в сладкую летаргию. Не хочу.

«Тебе интересно?» – уточняет Гюнтер про Лондон.

Четвертый раз он задает мне этот вопрос. Он сам понимает, что к чему. «Круче Лондона я тебе уже точно ничего не смогу предложить», – в конце фразы он ставит смайлик.

«А что там вообще делать надо?»

«Да ничего особенного – ты все это и так умеешь. Есть клиент, есть ежемесячный процесс, надо просто управлять им, организовать людей, соблюдать сроки... Как обычно», – и еще один смайлик.

Действительно, как обычно. Заодно посмотреть Лондон. А там оно куда-то да вырулит. По-моему, хорошая сделка.

«Давай попробуем», – пишу Гюнтеру, и все закручивается с невероятной скоростью. Через месяц мне делают предложение о работе. Надо подписывать контракт. Накануне просыпаюсь в семь утра. Не успеваю открыть глаза. Откуда-то издалека ко мне словно тянется огромное тягостное нечто, какая-то сущность, в десятки раз превосходящая меня по масштабам, и плитой опускается на грудь.

Не надо.

Открываю глаза. На улице пасмурно. Комната наполнена серым светом. Начинается весна.

Я подписываю контракт, не найдя никаких веских причин не делать этого. Подаю на визу.

Еще через пару недель раздается странный звонок. Кто-то из кадров.

– Ксения, а вы не хотели бы поработать в Рединге?

Я удивляюсь. В Рединге? Что мне вообще известно о Рединге? Небольшой город в полу-часе езды от Лондона. Там проходит альтернативный музыкальный фестиваль, где когда-то выступала группа «Нирвана». Город маленький, я там никого не знаю... Мне не хочется сразу отказываться.

– А вы не могли бы рассказать подробнее про условия? – осторожно спрашиваю я.

– Конечно! Мы вам перезвоним в ближайшие дни.

Но больше никто не звонит. Мимолетный разговор вылетает у меня из головы.

Визу делают долго. Мне даже начинает казаться, что я уже никуда не уеду, но в конце лета получаю желтую наклейку в паспорт. Пора.

И вот я обнаруживаю себя в такси по пути в аэропорт. Прошедшие месяцы, когда я разбиралась с документами, сдавала тесты на знание языка, собирала вещи, заполняла миллионы анкет, подтверждений, согласований, справок, в одно мгновение оказываются в далеком прошлом. Я оглядываюсь на них, как на чужую жизнь, случившуюся не со мной.

В Лондоне по улицам только начинают летать желтые листья. По дороге из аэропорта смотрю по сторонам. На вечерних улицах около баров толпятся мужчины в офисных рубашках и брюках, но без галстуков. Женщины почему-то в нарядных блестящих платьях, хотя еще только четверг. Все светится, живет. По улицам и набережным бегут люди в спортивной одежде

с маленькими рюкзачками за плечами. Один бегун устремляется вместе с нами в туннель. На дорогах много машин, но почти все они – такси: английские, с горбатой крышей.

Окна спальни в апартаментах, где мне предстоит жить первые две недели, выходят на Сити, и по утрам, проснувшись, я вижу здание Ллойда, словно вывороченное наружу своим нутром. Внизу крохотный скверик. Под крышей у меня гнездятся синицы. Огромный паровой котел занимает весь встроенный шкаф в спальне. Он то включается, то выключается и по ночам иногда гудит.

* * *

Ежедневно мириады туристов наводняют улицы Лондона, облепляют монументы и парки. Шумно и напористо перемещаются от достопримечательности к достопримечательности. Ты словно попадаешь в неожиданный вихрь, который несет с собой листья, песок, какие-то бумажки, и приходится размахивать руками и локтями, крутить головой, чтобы прорваться через него. Вестминстерское аббатство, Биг-Бен, собор Святого Павла, площадь Пиккадилли и Тауэрский мост... «Май нейм из Петров. Ай лив ин зе сентер оф Москоу...»

И каждый день группировки туристов сталкиваются в борьбе за пространство города с такими же нескончаемыми массами корпоративных сотрудников. В первое рабочее утро я вышла из моих временных апартаментов напротив Тауэра, прошла два метра, спустилась в метро и тут же попала в хорошо отлаженные потоки, текущие по ежедневным невидимым колеям. Однообразные, гладко выглаженные, причесанные, выбритые люди стройно спешили по делам. И я заспешила с ними, озираясь с интересом. На улицах такие же муравьиные тропы вечного движения. Люди несут себя на работу – ни шага ни влево, ни вправо – и не замечают, как всплывают в двери своего офиса, взлетают на свой этаж, и вот они уже на рабочем месте...

Когда-то я была здесь туристом и ходила по улицам, восторженно глядя на монументы из школьных учебников. Лондон показался вовсе не унылым серым городом, населенным «бизнес-людьми», каким я его себе всегда представляла. Помню, даже захотелось сюда вернуться...

Теперь я – одна из этих «бизнес-людей», офисных сотрудников, и живу по истине из анекдота: не надо путать туризм с эмиграцией.

Биг-Бен больше не приманка, а часть повседневности.

Изо дня в день сотни, тысячи людей выставляют на треногах камеры, достают солидные зеркалки, неприхотливые мыльницы или камеры телефонов всех марок, чтобы запечатлеть один-единственный, никогда не меняющийся вид охристой, устремленной вверх башни с часами. Меняются лица, время суток, небо – то серое от дождя и тумана, то розовато-прозрачное в погожий вечер. Ночью стены башни и часы подсвечиваются. Но сам вид башни не меняется годами, десятилетиями. И при этом большинство даже не знают, что Биг-Бен – всего лишь название колокола, установленного внутри башни Елизаветы.

Сколько фотографий этой неоготической башни существует во всех уголках мира! Каждый день их количество увеличивается в геометрической прогрессии и распространяется туристами по соцсетям бесконечно повторяющимся визуальным штампом. Фотографий так много, что иногда кажется, будто они физически давят на пространство.

Теперь я ежедневно наблюдаю эту однообразную туристическую деятельность со стороны. Я ничего не фотографирую. Я просто иду на работу.

Стоит лишь прорваться через потоки туристов на Вестминстерском мосту на другой берег текущей перпендикулярно этому потоку Темзы, оставляя слева «Лондонский глаз» и минуя огромный госпиталь Святого Томаса, – оказываешься перед квадратным зданием с блестящей коричневой облицовкой. Мой новый офис.¹

¹ London Eye («Лондонский глаз») – огромное колесо обозрения на берегу Темзы. – *Здесь и далее примеч. авт.*

* * *

Первые дни я на тренинге. Всех новых сотрудников собирают вместе, чтобы рассказать про компанию и про то, как организована работа. Для мотивационной речи приглашен партнер, руководящий моим отделом. Его зовут Стив. Он не так давно стал партнером. Ему, наверное, чуть больше сорока. С его внешностью он мог бы быть героем сериала: немного уставший от жизни детектив, строгий и исполнительный, привычный распорядок жизни которого вдруг резко меняется, потому что...

С ним я проходила финальное собеседование. Оно было коротким и формальным. Связь работала плохо, и видеозвонок постоянно прерывался. Картинка зависала на экране, являя мне Стива то со странно перекошенным ртом, то с закрытыми глазами. Звук сбоил: «Мы запуск... новый... вот-вот подпишем дог... нужн... работы будет много. Отдел отличный... разнообразн... люди, выросшие в компании, но много и тех, кто пришел недавно, и нам очень нужны такие сотрудники, как ты... разбираются и знают... устройство... пании... чтоб... проводниками стандартов компа...»

Сейчас он рассказывает новичкам про эти самые стандарты. На столе перед каждым лежит пестрый буклет, в котором красивые, уверенные люди сидят в офисах, ездят на велосипедах, карабкаются на горы, склоняются вместе над компьютером: лица внимательны, люди улыбаются.

Взаимопроникновение культур!
Работа в команде!
Баланс личных и рабочих интересов!
Карьерная гибкость!

Любопытно, говорит ли он эти слова, потому что так нужно, или действительно верит? Стив – англичанин, и какие бы лозунги он ни озвучивал, мне во всем мерещится сдержанность. Словно нельзя быть слишком эмоциональным. А может, это оттого, что он партнер? Будь он американцем, наверняка говорил бы с искренней непосредственностью, что и не усомнишься: он живет этими идеалами. Даже если на самом деле это не так.

Я перестаю вникать в содержание его речи и слышу только странные переливы английского акцента, подъемы и спады интонации, словно говорящий сам удивляется тому, какие слова вырываются у него изо рта.

Я все знаю и про компанию, и про то, как устроена работа, поэтому незаметно поглядываю по сторонам. Все смотрят Стиву в рот, и только одна девушка сидит и чуть покачивает ногой. На ней яркий макияж и огромные каблуки, глаза с поволокой. Она, как и я, рассматривает окружающих. Кошка. Наши взгляды пересекаются, она вежливо улыбается и отводит глаза.

Потом нам показывают короткий фильм о компании. Звучит проникновенная музыка. Такие ноты любят брать голливудские композиторы для сопровождения момента, когда главный герой после долгой борьбы наконец осилил противника и теперь несется к заветной цели. Мы знаем, что эта цель близка. Вот оно, божественное озарение, кульминация всего фильма. Операторская работа безупречна. Нарезка из интервью сотрудников, кадров восхождения на вершину горы и стремительного движения под парусом больше похожа на видеоклип Дженнифер Лопес, чем на сюжет корпоративной рекламы. Порыв заражает. Я краем глаза смотрю на других. Они не могут скрыть невольный интерес – они будут работать в таком месте! Только девушка-кошка сидит чуть прищурившись, и ее эмоцию невозможно прочитать.

С таким я уже сталкивалась. В прошлом. Посмотрим, как все окажется на самом деле.

После тренинга англичане расходятся по рабочим местам, а всех иностранцев, вновь прибывших из других стран, направляют на лекцию по местным культурным особенностям. Даже американцев и австралийцев, что поначалу удивляет. Лекцию читает радушный англичанин. Полная противоположность Стива.

– Я – первый и последний англичанин, который будет с вами откровенен, – сразу говорит он, – задавайте вопросы, другой такой возможности у вас не будет! Мы, англичане, закрытый народ, даже если стараемся не казаться таковыми. Кстати, вот вам сразу задачка: попробуйте в следующие полгода попасть на ужин в английскую семью. И посмотрите, что получится.

Я думаю, как накануне чуть было не только не попала на ужин, а буквально не поселилась в святая святых – частном английском доме, скрытом от чужих глаз.

Я отказалась въезжать в комнату японки. Позвонила Фатиме, поблагодарила и сказала, что нет.

– Но почему? – волнуясь, спросила она.

Все просто: я не могу ждать шесть недель, пока японка съедет, объявила я.

Пакистанка впала в отчаяние. Ну, что вы, давайте что-нибудь придумаем, давайте я спрошу мою маму – поживете у нее. Или мою подругу. Она позвонила подруге, и та вдруг согласилась. Я растерялась. Меня захлестнули сомнения. Вместо того, чтобы распрощаться, я договорилась посмотреть дом подруги.

Подруга оказалась англичанкой без возраста. Холеная, спокойная, юрист. Одна, без мужа и детей, в большом трехэтажном доме, окруженном такими же уютными домишками, на тихой зеленой улочке в Фулхэме. Хороший район. Гостиная как с картинки про настоящие английские дома – те, где живут настоящие англичане: тяжелые занавески, бледные тона, обитые гобеленом диваны и пуфики на кривых резных ножках. Конечно же, камин. В комнате, что отводилась мне, – кушетка с шелковыми подушками, по их краям – аристократические кисточки с бахромой. Заманчиво.

А потом я вспоминаю про японку. Спертый нафталиновый воздух, разлитое по комнате сумасшествие. Она уедет, но часть ее эманаций останется мне в наследство. Я вспоминаю кладбище, через которое так удобно срезать путь к метро. Каждый день срезать через кладбище. Вспоминаю возвышающуюся над районом больницу. Пожить у англичанки я могу, только если соглашусь на все это. Разом. Услуга идет в пакете. Но я не хочу. Прислушиваюсь к себе и понимаю, что нет. И отказываюсь.

Пакистанка расстроена. Больше всего ей хочется избавиться от японки. И вот снова не вышло. На самом деле избавиться от японки проще простого – попросить ее съехать, а потом не спеша подыскивать жильцов. Многие будут счастливы отхватить гигантскую комнату в хорошем доме. Но Фатима боится потерять деньги – вдруг новый постоялец въедет не сразу. Вдруг неделю или две комната будет простаивать и не приносить доход.

– Фатима, – говорю я ей, – разместите объявление на сайте. Да у вас эту комнату с руками оторвут!

– Но я боюсь: чужие люди...

– У вас будет возможность выбрать из большего числа претендентов.

– Да... Мне бы так хотелось, чтобы у меня жили вы.

Возможно, не так уж она хочет избавиться от японки.

Остается квартира в Пимлико. Там прямо из прихожей лесенка ведет на крышу. Оттуда виден центральный Лондон. Хорошо должно быть летом. Соседка – молоденькая англичанка. Другая девушка купила в ипотеку квартиру и съезжает. Моя потенциальная комната – квадрат: два на два метра. Кровать занимает почти все пространство. Вокруг остается проход в полметра. Туда же втиснут комод с зеркалом и шкаф для одежды. Одна пятая комнаты японки.

Не густо, и я на секунду думаю, что, может, стоит все же позвонить пакистанке... Ну уж нет. Я высылаю рекомендации и прекращаю поиски. В понедельник мне никто не звонит. Во вторник я звоню сама, чтобы узнать: хозяйка остановила выбор на другом квартиранте.

У меня три дня, чтобы найти, где жить.

Тут-то и появляется Арун.

Он пишет мне на сайте, где все ищут комнаты или соседей, и предлагает снять квартиру в стекляшке рядом с МИ-6².

Я знаю этот дом.

В один из первых дней я гуляла по набережным. На другом берегу гигантское стеклянное здание – пять башен разного уровня. Стилем и архитектурой оно напоминает английское посольство в Москве.

– Извините, а это что за дом? – спрашиваю я мужчину, который выглядит местным.

– Это МИ-6. Знаете, его взрывают в фильме про Джеймса Бонда?

– Ничего себе гигантское, и так на жилой дом похоже...

– А, так вы про соседнее? Это просто дом, а МИ-6 слева, – он любезно улыбается и уходит.

Я перевожу взгляд на легендарное здание. Желтовато-зеленое сооружение напоминает пирамиду, вавилонский зиккурат, вдруг выросший посреди Лондона. В нем как будто нет окон – оно представляется монолитом. Я не могу зацепиться за него взглядом – оно ускользает из моего внимания, пытается покинуть поле зрения, напустить морока, и я, забыв про него, как под гипнозом, снова разглядываю пять жилых башен. Там бы жить!

Арун предлагает снять квартиру именно в этом доме. Комплекс называется Сент-Джордж-Уорф.

Я хотела жить с девочкой, лучше европейкой. Арун – индеец и парень, но времени выбирать больше нет: из апартаментов надо съехать в конце недели. Аренда не дешевая, зато от стекляшки до работы всего двадцать минут пешком: экономия на транспортных расходах. Для Лондона немаловажно. Мы договариваемся встретиться после работы.

Я прихожу на место, закутавшись в пальто, – моросит дождь, воздух обдает прохладой. Арун ждет меня в одном костюме и как будто совсем не мерзнет. Он улыбается так, как может улыбаться только необыкновенно счастливый человек, и я думаю, что, наверное, именно про таких говорят, что они светятся изнутри. Поэтому ему и не холодно. Мы здороваемся приветливо, как будто давно знаем друг друга.

В квартире ничем не пахнет. Никаких вонючих ковров – везде ламинат. Мебели немного, и она выглядит современной. Тепло. За окном – Темза. Минимализм. Ничего лишнего.

Арун выбирает себе комнату побольше – с балконом, отдельной душевой и туалетом. Мне достается поменьше – ванная с туалетом через коридор. «Можно будет каждые несколько месяцев меняться комнатами», – радушно предлагает он. Я удивляюсь. Зачем? Мне все равно. Почти всю мою комнату занимает двуспальная кровать, но все равно места больше, чем в комнате в Пимлико. Повезло.

Мой новый сосед стрясает с агента скидку в шестьсот пятьдесят фунтов. Как он это делает – не знаю, хотя стою тут же рядом и слушаю. Я бы не сумела. На следующий день надо ехать в офис управляющей компании и заключать договор. В выходные можно заезжать.

² МИ-6 – служба внешнеполитической разведки Великобритании.

* * *

После лекций и тренингов я присоединяюсь к нашей группе в стеклянном аквариуме. Опаздываю – встреча уже началась. Ксавье стоит у доски и пересказывает новости с клиентской встречи, откуда он только что вернулся. Клиент в Швейцарии. Ксавье ездил туда с Марком.

Он похож на добротного русского парня, с широким лицом и пегими волосами, но, в отличие от соотечественников, очень улыбчив и как-то прыгуч: Фигаро тут, Фигаро там.

Офисная доска исписана цифрами, аббревиатурами и непонятными сокращениями. Говорит он быстро, как будто безостановочно участвует в сороговорке. Скорость речи скрадывает его французский акцент.

Он объясняет, почему клиенту больше не нужны инфофайлы 15 и теперь мы должны отправлять ему только инфофайлы 14, какая между ними разница и как отражается на них информация по зарплате. Я слушаю очень внимательно и ничего не понимаю. Удивляет меня лишь степень собственного непонимания. Что такое инфофайлы? Почему четырнадцать и пятнадцать? А все остальные? Неужели знакомая сфера может производить на меня такое же впечатление, какое китайский язык – на впервые увидевшего иероглифы европейца?..

После непродолжительных попыток понять, о чем речь, я бросаю эту затею: нет никакого смысла вникать, как изменились детали, не разобравшись в процессе целиком.

Незаметно рассматриваю новых коллег. Том сидит, уткнувшись в ноутбук. Изредка я ловлю его взгляд из-под очков. Он не выражает ничего. И только на самом дне его глаз мне мерещится необъяснимый антагонизм, запрятаный где-то далеко-далеко. Может, ему обещали должность менеджера, а тут я свалилась на голову ни с того ни с сего – сама менеджер, а значит, возможное препятствие у него на пути?

Три девчонки не сводят глаз с француза. Лицо Эдны сохраняет африканскую непроницаемость. Рика приветливо улыбается. Тереза сказала, что она ничего не понимает, а по лицу и не видно. Паломат рассматривает записи на доске, не скрывая скепсиса. Она задает Ксавье вопросы, и он, как в бой, бросается в объяснения. Быстро чертит непонятные схемы и тут же стремительно стирает. Язык его молотит со все возрастающей скоростью. Лицо Паломаты кривится все больше, бровь поднимается все выше. Из объяснения ускользают остатки логики. Смыслы путаются. Есть только непередаваемый хаос стираемых и заново написанных цифр в общем гипнозе бесперебойного стрекотания.

Ксавье это ничуть не смущает.

* * *

Девушку из управляющего агентства зовут Эмма. Она улыбается мне и Аруну. Наверное, ей около тридцати, как и мне. Похожа на тот тип английских девушек, что уходят в отрыв и пьют ночи напролет на каком-нибудь испанском курорте, а потом возвращаются в родную Англию, чтобы тут же трансформироваться в особо важную персону, которая «знает себе цену». Говорит с этим особенным английским прононсом, который любую фразу делает чуть более пафосной, чем есть на самом деле. И почему-то такая девушка обязательно блондинка и выпрямляет волосы утюгом.

Мы подписываем договор, скрепляем его рукопожатием и разъезжаемся каждый по своим делам. Я счастлива и спокойна: сроки аренды корпоративных апартаментов закончились, и мне даже пришлось договориться о нескольких дополнительных днях, но теперь все улажено, и мне не придется болтаться не пойми где.

Я перебираюсь в новый дом из стекла и бетона над Темзой. В пентхаусе на последнем этаже, по слухам, живет родственник опального московского мэра. В лифте я постоянно стал-

киваюсь с замотанными в длинные одежды арабскими женщинами с дорогими сумками. Бесконечные, устланные коврами коридоры напоминают гигантский отель или корабль «Титаник» из фильма.

В первые дни выясняется, что часть вещей испорчена. Жалюзи грязные. В раковине на кухне – засор, в ванной в стоке виднеется непонятный, покрытый плесенью продолговатый предмет.

Мы с Аруном долго всматриваемся – дотянуться до него нет никакой возможности, да и желания.

– Слушай, что это?

– Кажется, это... Не могу утверждать, но похоже на зубную щетку... Только она вся в плесени, – говорит Арун.

В тот же день иду в «Теско», мини-маркет в одном из закутков нашего дома, покупаю средство для чистки раковин и выливаю на предмет почти всю банку. Когда я после этого проливаю его несколько раз кипятком, становится понятно, что это и правда зубная щетка и ее никак не достать. Зато теперь она чистая.

Телевизор не работает. Это старый аналоговый агрегат, родом из детства. Ему, наверное, немногим меньше меня. Английское телевидение уже давно можно смотреть только по цифре, оплатив тысячу фунтов в год за лицензию. Конечно, никто не считает нужным сообщить нам, что телевизор не работает и является декоративным элементом, как и видеоманитфон. Винтажный агрегат с отверстием для кассет VHS.

В ящике для посуды – сломанный нож, и крышка мусорного ведра не открывается.

Мы решаем написать Эмме.

Она отвечает нам почти сразу же и очень приветливо, спрашивает, как мы обустраиваемся и все ли в порядке (ну, как все? Вот подробный список всего, что не в порядке), после чего предлагает нам убедиться, действительно ли все вышеозначенное не работает. Жалюзи имеют свойство пачкаться со временем, любезно отмечает Эмма.

Мы проверяем. Не работает. И да, жалюзи в пыли, хотя в договоре указано, что квартира сдана после уборки. Мы снова пишем в агентство и просим разобраться, но ничего не происходит. Эмма вступает с нами в затяжную непонятную переписку, в которой то выражает сожаление, то просит снова проверить, что не так, то замолкает и не отвечает, а потом появляется с новостями, что завтра к нам подойдет, но никто не приходит, и мы пишем снова и снова.

Спустя неделю такой бомбардировки из агентства приходит человек и прочищает засор в кухонной раковине. А как же насчет всего остального? Он только пожимает плечами.

Мы не сдаемся, пишем, напоминаем, уточняем и неизменно получаем новые и новые ответы от Эммы, которые наполнены различными витиеватыми формулами английской вежливости. «Не соблаговолите ли... Я очень сожалею... Благоразумнее всего будет проверить исправность... Мы постараемся уладить все недоразумения в кратчайшие сроки...» Я впиваю в себя эти формулы, они словно гипнотизируют, вселяют уверенность в завтрашнем дне, я успокаиваюсь...

Никто больше не приходит к нам.

– Все, что они пишут, можно заменить одной лишь фразой: отвалите, – сообщает Арун задумчиво спустя еще несколько недель переписки с агентством.

На работе на меня смотрят с уважением:

– К тебе пришли через неделю и прочистили засор? Вот повезло! Я месяц ждала, когда починят кран в раковине, – говорит Паломе.

– У меня была такая проблема, – кивает Рика, вторя Паломе, – я месяца полтора пыталась добиться, чтобы отремонтировали, но ничего не вышло. Потом пришел папа и все починил – хорошо, что он у меня сантехник.

В этот момент мы идем с коробками по большой лестнице с восьмого этажа на шестой. Эта лестница на партнерских этажах офиса – их занимает руководство, стоящее над всей компанией. Партнерские офисы выглядят совсем не так, как наш опенспейс. Они даже не опенспейс. Там очень тихо, и сплошь кабинеты за закрытыми дверями с матовыми и непроницаемыми стеклами. Неожданная обстановка вокруг: мебель темная, как дубовая, а ковры – светлые и мягкие. В открытых пространствах сидят только секретари. Их столы раза в три больше наших, стоят отдельно, на большом расстоянии друг от друга. Мне кажется, тут даже воздуха больше. Словно партнерам его побольше раздают, не то что обычным людям.

Самое странное – лестница по центру. Они сделали себе отдельную широкую лестницу посреди помещения, и, наверное, ее смело можно назвать парадной. Видимо, по ней партнеры передвигаются чинными группами, чтобы не толкаться в лифтах или на обычной непримечательной лесенке («для людей»), которая пронизывает здание с первого до последнего этажа. Партнерская лестница идет только по их этажам. Сейчас мы спускаемся по этой лестнице с коробками, забитыми файлами, – они временно хранились в небольшой подсобке на последнем этаже.

Казалось бы, зачем таскаться с коробками, пусть и не очень тяжелыми, по лестнице, если можно спустить их на лифте. Но именно сейчас с лифтом приключилась проблема, его срочно обслуживают, и всех сотрудников пустили ходить по обычной лестнице, а нам – так уж и быть – позволили спуститься с коробками по партнерской. Тереза так и сказала:

– Нам повезло, партнеры разрешили перетащить коробки по их лестнице, чтобы не толкаться со всеми.

– Так может подождать, когда заработают лифты? – спрашиваю я, пока остальные молчат.

– Просто непонятно, когда они заработают, а нам надо срочно пересматривать файлы – некоторые клиентские документы, нужные нам, есть только в оригинале. Необходимо их найти.

– А Итон не может прислать копии?

– Ни в коем случае! Просить его – все равно что показать низкий уровень профессионализма.

Тереза говорит убежденно, и я замолкаю, прикидывая, почему это покажет низкий уровень профессионализма. Ну, может, конечно, слегка некрасиво: какие-то документы уже были у нас, а мы их как будто потеряли. Но мы не потеряли. Ну, попросим еще раз. Что с того? А так вместо одного короткого мейла будем сейчас целый день или даже два перебирать эти файлы – там много... Не очень рационально, по-моему.

– Ксения, в конце концов, мы же не наверх их тянем, а спускаем вниз, – вырывает она меня из размышлений, – так что, ребята, нам повезло!

Она бодро поднимает небольшую коробку и начинает спускаться, подавая нам пример. Мы идем за ней. Этажом ниже у нее звонит телефон. Она ставит коробку на ближайший пролет, отвечает что-то на чешском и кивает нам, мол, не ждите, проходите дальше.

Мы продолжаем прерванную беседу про мой засор.

– Том, вот ты англичанин, может, ты подскажешь, как быть? Почему они не ничего не делают? Разве это правильно? – Я поворачиваюсь к нему. Меня не покидает чувство, что он относится ко мне настороженно. Я пытаюсь чуть расположить его к себе.

– Решается все просто, – говорит Том спокойно, – в следующий раз пригрози им судебным иском. Так и напиши, что при всем уважении, ты очень сожалеешь, но будешь вынуждена... И все.

– Прямо сразу вот так?

– Почему сразу? Ты же вроде говорила, что вы уже неделю переписываетесь? Нормально.

Я киваю, и мы заходим в один из маленьких аквариумов на нашем этаже, в котором будем разбирать коробки.

Терезы с еще одной коробкой нет. Все выжидающе смотрят на меня. Я понимаю, что самая старшая здесь и должна сказать всем, что делать, но мне хочется дождаться Терезы – пока я чувствую себя не вполне уверенно.

– Тогда мы пока за кофе, – говорит Палома, и они с Рикой пробираются через коробки к двери. – Том, ты пойдешь?

– Я не хочу кофе, спасибо.

– Ксения, тебе что-то принести? – улыбается Рика.

Я отказываюсь, и они уходят. Мы остаемся с Томом одни. За стеклянными стенами – офис, но никого из наших не видно – наверное, на встрече. Только чуть вдали над перегородками видны макушки нескольких человек из соседнего отдела. Они работают. Стоит тишина, наполненная лишь жужжанием офисной техники да шумом кофемашины со стороны кухни.

Несколько минут мы с Томом сидим молча. Он успел захватить со стола ноутбук и сейчас что-то изучает на экране. Я вижу, как он переключается с почты на экселевский файл, испещренный цифрами.

Он не смотрит на меня, и мне неловко. Надо начать какую-то тему, что-то спросить. Я почему-то вдруг смущаюсь. Даже не знаю, почему я порой смущаюсь в его присутствии. Наверное, потому, что совершенно не могу его разгадать. Что он думает обо мне, что чувствует. Вроде отвечает всегда ровно и приветливо, но сам не начнет разговор, не спросит ни о чем. Даже по работе. Впрочем, это пока не удивительно – я еще мало в чем ориентируюсь, в наших файлах и отчетах он разбирается больше, чем кто бы то ни было. Может, даже больше Ксавье. У них с Ксавье словно какое-то невидимое противостояние. Они совсем разные.

Я поглядываю на него, но он продолжает что-то делать в компьютере. Девчонки не возвращаются. Никого нет. Сантехнические проблемы мы обсудили. О чем бы его спросить? Мне очень хочется нарушить молчание и как будто напряжение. Я перебираю в голове поводы заговорить.

– А мы отправили отчет в Индию? – спрашиваю я, не придумав ничего лучшего.

– Какой отчет? – Он поднимает голову и смотрит на меня в упор, и по его лицу никак не скажешь, то ли он не знает, о чем речь, то ли я спросила какую-то невероятную глупость, но он из вежливости делает вид, что ничего удивительного.

Я сама не рада, что спросила. Я не знаю, какой отчет, и путаюсь в них.

– Мы вроде сегодня должны какой-то отчет отправить в Индию... Или я перепутала? – неуклюже стараюсь выпутаться я.

– Мы не направляем отчеты в Индию. Они формируют отчеты и присылают нам, мы проверяем и, если все верно, отсылаем клиенту. Ну, будем отсылать, когда запустим процесс, а пока просто проверяем. Еще ни разу не было, чтобы в отчете не было ошибок, так что мы возвращаем их в Индию на доработку.

– Не очень-то они там стараются, судя по всему, – отзываюсь я, надеясь найти что-то общее.

– Они ни при чем, – не поддерживает меня Том, и мне кажется, в голосе у него мелькает холод, – просто у нас в системах много ошибок. Это не проблема их команды. Системами занимаются разработчики.

– А-а-а, – тяну я.

Том что-то быстро печатает. Разговор зашел в тупик.

Я снова сижу и надеюсь, что скоро вернутся девочки или Тереза или что-то произойдет. С Томом сложно.

Он снова поднимает на меня глаза и говорит, чуть смягчившись:

– Не парься, со временем разберешься.

– Что-то ничего пока не понимаю.

– Никто не понимает – это нормально.

– А Ксавье, Тереза...

– Тереза, – говорит он полуутвердительно, полувопросительно и замолкает. Я не пойму, что должна вынести из его ответа. Вдруг кажется, словно это намек, но, поскольку он не продолжает, намек не помогает.

– Да и Ксавье. В первый день, когда я вышла после тренинга, он рассказывал про инфо-файлы. Я была в ужасе. Подумала, что никогда не пойму, что здесь происходит.

– Ему не нужно, чтобы ты понимала.

– Что?

– Ничего.

– Подожди, в смысле? Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что Ксавье общается напрямую с Марком, Стивом и всякими шишками на стороне клиента. Там у него со всеми взаимопонимание, и это главное.

– Это важно, я согласна, но мне кажется, что наша команда должна лучше ориентироваться, иначе как же мы будем вести процесс?

– Какой процесс?

Я смотрю на него, и мне кажется, то ли он издевается, то ли моих знаний английского не хватает – я, наверное, невнятно формулирую.

– Наш ежемесячный процесс, то, что мы должны делать.

– А никакого процесса нет.

– Как так?... А, поняла. Ты прав, пока нет, но когда он будет.

– А он будет?

Он все-таки издевается, и мне становится некомфортно, вдруг на меня наваливается ощущение враждебности. Я думаю, как Тома расположить к себе, создать дружественную рабочую атмосферу, но, возможно, я неправа и что-то упускаю, возможно, он мне совсем не друг. Я не знаю, что еще сказать, и замолкаю.

– Извини – я шучу. Конечно, есть процесс. Ксавье считает, что главное – определиться с базовыми составляющими, а остальное будет формироваться по ходу дела. Я думаю, нужно гораздо больше времени, чтобы его отладить. И надо это сделать прежде, чем начинать. Но первые страны запустят после Нового года, так что учиться плавать будем уже в воде.

– Но почему бы не подождать?

– Потому что клиент платит большие деньги за каждый месяц, а мы должны показать, какие мы быстрые и эффективные. У нас есть сроки...

За окном светит солнце. День осенний и прохладный, и всю неделю шли дожди, а сейчас солнце. Вот бы оказаться на улице, прогуляться по набережным, сходить в парк. Хочется предложить Тому выйти куда-нибудь на обед, но неловко. Он – мой подчиненный и ведет себя так, что не поймешь, как с ним общаться. И все же у меня к нему – тепло, словно мы могли бы быть друзьями, словно у нас могут быть хорошие отношения и нам не надо остерегаться друг друга – мы на одной стороне...

– Ты давно здесь работаешь?

– В отделе уже полтора года, последние полгода на этом проекте.

– И как, сложнее, чем предыдущий проект?

Он задумывается:

– Тот был первый для меня, да и для всего отдела. Никто ничего не понимал. Сейчас-то уже лучше ориентируюсь, но в этот раз все по-другому. Не знаю, что сказать...

– А что по-другому?

– Команда другая, задачи, – он пожимает плечами.

В этот момент из зоны, где расположены лифты, появляются Тереза и Ксавье. Тереза без коробки. Они что-то обсуждают, смеются, заворачивают на кухню, зависают там на несколько минут, дожидаясь кофе. Мы с Томом наблюдаем за ними. Мне вдруг кажется, что если не

знать, что они коллеги, то можно подумать, что они – парочка или флиртуют. Я хочу сказать об этом Тому, но прикусываю язык. Пожалуй, такие разговоры совсем неуместны.

Потом они видят нас, Тереза что-то говорит Ксавье и направляется к нашему аквариуму.

– Как у вас дела? Разобрались? У меня сейчас конференц-звонок с Ксавье и Итоном, а я забыла коробку – не заберете ее? Она там между этажами – меня отвлекли, а потом нужно было срочно обсудить предстоящую встречу с Ксавье... Том, сходишь?

– Конечно.

– А где Рика и Палома?

– Ушли за кофе.

– Понятно, начинайте с файлами. Ксения, я на тебя всецело полагаюсь. Если будут вопросы, пиши мне.

И она уходит.

Том поднимается.

– Ты за коробкой? Я схожу с тобой.

И мы снова идем на этаж выше, а оттуда по светлому ковролину, мимо пустых столов, где только изредка видны такие же тихие сотрудники, в сторону партнерской лестницы. Коробка все еще там, где Тереза ее оставила.

– Интересно, зачем нужна эта лестница? Такое странное архитектурное решение.

– Чтобы не толпиться с простыми смертными. Очень удобно. Здание одно, реальности две.

– Смешно.

Том поднимает коробку.

– Тебе помочь? – говорю я, но понимаю, что это как-то глупо – как я могу ему помочь?

– Нет, все в порядке.

Мы идем вниз. Я как сопровождающая, конвой. Не знаю, о чем еще его спрашивать, о чем говорить. Он одновременно и приветливый, и неприступный. Смотрю, как он спускается передо мной. Спина у него широкая, накачанная. Наверное, спортом занимается.

– А ты как, справляешься? Как тебе Англия, ну, кроме твоих проблем с сантехникой? – Он словно чувствует мой взгляд.

– Все в порядке. Разбираюсь постепенно. Как-то много всего сразу, и на работе, и с квартирой, еще и зима на носу.

– Наверное, не как в России?

– Нет, конечно, здесь погода сейчас больше напоминает какое-нибудь очень холодное лето или начало сентября.

– О...

– Том, – вдруг решаюсь я, – хочу сейчас пойти пообедать, пойдешь со мной?

Он молчит немного.

– У меня с собой, я, наверное, поем на рабочем месте – надо проверить отчет...

– Я заметила – у вас тут принято есть на рабочем месте.

– Ланч – для слабаков.

– Понятно, – я смеюсь, а потом спрашиваю на голубом глазу, – а Тереза с Ксавье встречаются?

И Том вдруг оглядывается на меня очень удивленно:

– С чего ты взяла?

– Просто я все время их вижу вместе, и мне кажется, что они кокетничают. Может, это то, что и так все знают – я же недавно здесь.

– Насколько мне известно, нет, – говорит Том осторожно.

– Честно говоря, я сначала подумала, что Ксавье – гей.

– О?

– Почему-то показалось так, – увиливаю я от объяснений, – но теперь вижу, что ошиблась.

– Может, он сам пока не знает об этом? – говорит Том.

– О чем?

– Что он – гей.

– Да нет же! Я уверена.

– Он все время ездит с Марком в командировки, а Марк... Это всем известно. – Он словно подначивает меня.

– Слушай, но я же не думаю, что ты – гей, хотя вы с Марком постоянно закрываетесь в переговорных!

Том не отвечает. Мы доходим до нашего аквариума и размещаемся в нем.

Он снова за компьютером и печатает. Я достаю из коробки одну из папок и переворачиваю страницы. Папка тоненькая, в ней почти ничего нет, какие-то контрольные листы, бумажки с цифрами, списки кодов, схема, пара подшитых писем – некоторые адресованы кому-то мне незнакомому.

– А кто такая Маргарет Кроули?

– Работала менеджером тут, но в итоге перевелась на другой проект в Рединг.

Что-то знакомое.

– Менеджером? Как я?

– Вместо тебя.

Смутно вспоминаю случайный звонок, когда я была еще в Москве и мне предложили поработать в Рединге. А потом все затихло, испарилось, как мираж. Оказывается, потому, что незнакомая мне Маргарет Кроули уехала в Рединг вместо меня. Интересно, нравится ли ей там, не жалеет она, что променяла на него Лондон?

Том сидит очень близко. Рукав его рубашки время от времени чуть касается моей руки. Почти незаметно, но от этого случайного прикосновения очень приятно. Рубашка свежая и пахнет или стиральным порошком, или кондиционером для белья – «с запахом морозной свежести». Аромат смешивается с запахом его одеколona. Незнакомый запах, еле уловимый. Том такой свежий, благоухающий, и я вдруг остро осознаю, что надела свою футболку второй раз и она уже не такая свежая. Вдруг она уже чуть пахнет, а я не чувствую? И голову я с утра не успела помыть... Неожиданно мне неловко, и кажется, что Том тоже что-то заметил, но молчит. Я снимаю со спинки стула свой пиджак, надеваю, в процессе чуть отодвигаясь от него.

– Тебе холодно? – спрашивает он.

– Что? А? Да что-то тут кондиционер сильно дует... Том, а ты пойдешь завтра на неформальную встречу в паб после работы? – спрашиваю я и снова смущаюсь, потому что мне кажется, что вопрос возник из ниоткуда, без контекста и больше похож на приглашение.

– Не знаю, может быть. А ты?

– Да нет, наверное, что-то я устала за эту неделю.

– В субботу футбол, так что, скорее всего, нет. Может, ненадолго загляну.

– Я вот, может, тоже ненадолго... А ты играешь?

– Иногда, но завтра играет команда, за которую я болею.

– Ах, ну да! Как же – англичанин и не футбольный фанат!

– Типа того.

Возвращаются Рика с Паломой, и мы переключаемся на распределение файлов, но я довольна. Наконец лед трогается. Мы поговорили с Томом не о работе. Даже такое уже кажется мне небольшим прорывом.

* * *

Цвета для клиентских отчетов выбирает Ксавье. Строки будут окрашены в серый, голубой и оранжевый.

– Не оранжевый, – мягко поправляет меня Ксавье, улыбаясь, – янтарный.

Я действительно сначала думала, что он – гей. Ничто на это не указывает, кроме легкой манерности. Но разве это критерий? Он обожает что-то рассказывать. Понимает его кто-то или нет – вторично. Достаточно того, что все смотрят ему в рот, пусть и не успевая за мыслью. Он в восторге, когда от него в восторге. Нет никаких сомнений, что он разбирается в процессе лучше всех.

Но он не гей. Просто Ксавье со всеми ведет себя правильно. С иудеями он как иудей. Он подстраивается под любого. Когда я прихожу в отдел, они с Марком проводят много времени вместе, а Марк – гей. Худенький, с острыми чертами лица и подвижной мимикой, которые придают ему сходство с сурикатом. Как и Ксавье, Марк говорит быстро. Проглатывая слова, он объединяет целые идиоматические конструкции в подобие одного слова. Когда он начинает так говорить – со скоростью света, чуть приглушенным голосом, – я перестаю его понимать.

Я уверена, что между ними ничего нет, просто Ксавье так хорошо подстраивается, что словно начинает изучать флюиды.

У Марка главная фишка – примечательные носки. Разноцветные и веселенькие. Сначала я отношу это на счет проявления его личной эксцентричности, но потом думаю, что, возможно, это обще-английский тренд. У Тома из-под брюк тоже все-гда торчат носки с узорами, орнаментами или неожиданной цветовой гаммы, а иногда с какими-то внезапными принтами вроде крыс в шапочках, как у Санта-Клауса.

Порой мне кажется, что они соревнуются с Томом, но Марк идет дальше. Его носки гармонируют с рубашками, и, подозреваю, это не случайное совпадение. Он может прийти в розовой рубашке с мелким узором, и, только приблизившись, видишь, что мелкий узор сплошь состоит из зонтиков. Носки – черные в голубую полосу. Аллюзия на дождь, думаю я, анализируя скрытую символику. В случае с Марком мне всегда видится какая-то интрига, намек, подтекст, отсылка. Если бы речь шла просто о носках в полосу, это был бы не Марк.

Том проигрывает, потому что в его носках нет никакого подтекста.

В отделе Том следит за системами, которые формируют отчеты, и напрямую общается с разработчиками в Индии. Часами может проверять отчеты, загружать, перезагружать, выискивать ошибки, исправлять, доводить до совершенства. В отличие от Ксавье и Марка, на встречах из него слова лишнего не вытянешь. Он смотрит в ноутбук, а когда его о чем-то спрашивают, отвечает неохотно. Если его начать донимать, то он рассказывает, что с файлом, который прислал клиент, приключилась глобальная, ужасная, неразрешимая проблема и что ему придется всего себя посвятить этому и ни на что другое времени у него нет.

Зато он симпатичный, даже красивый. У него невозмутимое лицо, квадратный подбородок и ослепительно голубые глаза за стеклами очков. Он может смотреть на тебя в упор, без улыбки, почти не мигая. Когда он так смотрит на меня, мне кажется, он меня ненавидит.

Палома, наоборот, словно вся нараспашку. Жгучая испанка. Дружелюбная. По ее слегка пухлому лицу всегда можно точно сказать, какого она мнения о происходящем, но она молчит, не спорит. Когда у нее время от времени случается эпизод «как же вы достали», она лишь вскидывает бровь раздраженно и насмешливо, качает головой, но мысли свои оставляет при себе.

Рика работает уже месяца четыре. Волосы скромно забраны в пучок. Она родом из Индии, но с детства живет в Лондоне. Рика – новичок в компании. Ей поручено делать описание ежемесячных процессов взаимодействия с клиентом. Почему именно ей – не знаю. Помимо

того, что она – новичок, процессов для описания еще не существует. Пока есть лишь общее представление о том, как все будет. Она же должна спрогнозировать детали. Как бы нафантазировать.

Суть процесса ей объясняет сначала Тереза, потом Ксавье, потом Линда. Сначала Рика в ответ приветливо улыбается и кивает. Потом она плачет. Я не могу ее винить, когда от тебя хотят черт знает чего: пойди туда... принести то...

Описание она делает долго. Недели три. Все это время ее невозможно ни о чем больше попросить. Стоит попытаться дать другое задание, как она начинает так усиленно улыбаться, что видно: если немного надавить, она расплачется. Тереза всем говорит: «У Рики важное задание, давайте не будем беспокоить ее сейчас». Описание процессов становится чем-то вроде непонятной болезни, о которой деликатно не упоминают вслух, и одновременно панацеей от всех бед, сакральным актом, на который можно тратить день за днем, неделю за неделей, больше ничего не делая.

Есть еще Эдна. Ею я любуюсь. Ее семья переехала в Лондон из Ганы, когда Эдне было два года. Она вроде бы совсем британка по воспитанию, но сидит среди нас с непроницаемым лицом жрицы африканского племени. Раз в пару недель кардинально меняет прически, но неизменно остается жрицей с сияющими белками глаз на темном лице. С ней я тоже никогда не знаю, что она думает.

Это мои подчиненные. Кроме Ксавье. Формально он тоже, но он хорошо зарекомендовал себя на проекте, и поговаривают, что его ждет досрочное повышение до менеджера, так что он уже сейчас держится особняком. На проекте Ксавье занимается стратегическими вопросами использования систем, и его часто берут на встречи с клиентом.

И над всеми нами стоит Тереза. Она переехала в Лондон из Праги. В молодости была настоящей моделью. Ходила по подиуму в Париже и даже участвовала в показе дизайнера с мировым именем. Потом бросила карьеру модели и решила заняться серьезным делом. Отучилась в университете и пошла работать в офис. За разные заслуги ее позвали работать в Лондон. На самом деле ее, как и меня, позвал Гюнтер. Они дружат. В Лондоне она дослужилась до старшего менеджера, и прошлым летом ее повысили. Ей под сорок, но выглядит она как молоденькая девушка и невозможно красива. На ее лице не заметны следы увядания – разве только продольные морщины на лбу указывают на возраст.

Она возвращается из отпуска и привносит новую волну в наш аквариум: вопросы, задания, встречи – работа начинается с удвоенной силой. Активная и жизнеутверждающая, как комсомолка из советского фильма, но на западный манер. «Мы прорвемся! Мы добьемся! Мы – команда мечты! Мы лучшие! Мы звезды!» Слышишь такое и действительно веришь, что так и есть: добьемся, прорвемся, звезды.

По вечерам вытаскивает всех на мини-корпоративы.

– Так, сегодня после работы идем в паб! Все помнят? Рика, ты помнишь? Том, ты идешь!

Сама не ходит. Как-то не складывается у нее. Забегает на пятнадцать минут и потом исчезает. Девушки из соседнего отдела нам завидуют, говорят, что Тереза вдохновляет, и хочется с ней работать.

Она ловит меня на кухне у кофемашины:

– Ну, как ты? Все в порядке? Как справляешься?

Я рассказываю. Она слушает, пока кофемашина ворчит и урчит, чтобы выплюнуть пару глотков кофе в бумажный стаканчик.

– Дай знать, если понадобится помощь. И нам с тобой обязательно надо в выходные сходить на бранч – я знаю пару приятных мест в Южном Кенсингтоне. Кстати, как там шаблоны клиентских писем? Сделала?

– Сделала, сейчас принесу на проверку.

В моем отделе есть еще Линда, но ее я вижу редко – она только формально числится у нас, а сама из другого отдела, ее пригласили только на проект. Из тех, кто всегда с нами, хотя и дистанционно, – Итон. Он присутствует незримо. Заправляет всем со стороны клиента. Именно ему мы звоним с отчетами каждую неделю. Он родом откуда-то из Техаса, во время телефонных переговоров его голос звучит раскатисто, будто он объявляет участников на родео. Да, мы – команда, как любит повторять Тереза, и при этом постоянно набираем новых людей.

В лифте я натываюсь на Стива. Я не видела его с момента тренинга. Он стоит с невозмутимым видом и снова невольно напоминает мне уставшего от жизни детектива. Только в отличие от уставшего детектива у него костюм за пару тысяч фунтов и запонки из белого золота.

– Как ты поживаешь? Входишь в работу? – улыбается он мне словно откуда-то издалека.

– Немного сложно пока – очень много нового, но в целом постепенно разбираюсь.

– Если будет нужна от меня какая-то помощь – обращайся.

Я благодарю. Он кивает. Приятно, что людям не все равно.

О чем проект?

Когда Арун при нашем знакомстве задает этот вопрос, я зависаю. К счастью, почти сразу подходит агент и мы идем смотреть квартиру, так что мое замешательство не заметно и разговор уходит на другие темы.

После, дома, я собираюсь с мыслями, пытаюсь придумать хороший ответ на этот вопрос.

Мы систематизируем и стандартизируем. Внедряем процесс контроля.

Получается как-то сухо и непонятно.

Как бы я объяснила это своей бабушке?

Скажем, есть крупная компания, внутри которой творится беспорядок. У нее огромное количество сотрудников. Они ездят в командировки. В короткие и длинные. Им надо платить командировочные, подъемные, премии, надбавки за разный уровень жизни, компенсации, льготы и другие поощрительные выплаты. И нет никакой системы учета всех этих выплат, никто не держит ситуацию под контролем, офисы между собой не разговаривают, в одном считают так, в другом иначе, деньги утекают не пойми куда, учета нет. И однажды в эту компанию приходит проверка, наблюдает весь этот хаос и говорит, что или они все исправят и сделают процесс прозрачным, или будут большие проблемы. Им дают год на все про все.

Никто в большой компании не знает, что со всем этим делать, да и не до того им. И тогда появляемся мы. Мы классные, говорим мы. Мы все уладим. И если мы достаточно убедительны, то компания заключает с нами договор, и рождается проект, а вместе с ним возникает наш мини-мир.

Я думаю, что где-то на этих словах бабушка начнет терять нить разговора.

Кто за пределами нашего мини-мира вообще в состоянии понять, что такое инфофайл 14 и 15? А демографический отчет, а зарплатный отчет, а сверочный отчет? Или вот наш внутренний системный отчет. Это же совсем другой отчет, не такой, как все остальные. Прекрасный документ! Гордость Тома. С ним он проводит практически каждый день.

А наши инструменты, системы, таблицы, эти файлы на тысячи строк, миллионы сопоставлений стран, валют, офисов, компаний, коды... Сотни разных кодов!

В этом месте бабушка точно спросит, не проголодалась ли я и не слышала ли, какую обещали погоду на завтра.

И мне уже не поведать ей о том, что у клиента и без нашего проекта происходят изменения внутри компании. Он отказывается от услуг одного поставщика и нанимает другого, берет новую компанию считать зарплату, параллельно сливается с еще одной большой компанией, открывает новые офисы, берет на работу и увольняет сотрудников. Все это идет одновременно, и мы пытаемся взять под контроль то, что еще толком не существует, находится в процессе,

в движении. Что-то текучее и бесформенное. Это похоже на попытки ухватить руками ползущую, живую лаву.

Воображаемая бабушка давно не слушает, а я понимаю, что говорить о проекте можно бесконечно.

* * *

Смущает количество ежедневных встреч. Почти все рабочее время проходит от одного заседания к другому. Я путаюсь в электронных приглашениях, заменах, переносах, отменах. На одну и ту же встречу мне приходит по пять приглашений. Не успеваю читать почту. В первую же неделю ящик забивается ста пятьюдесятью новыми сообщениями. Я не успеваю даже их стирать. Из них половина – от Терезы.

У нас по три-четыре встречи каждый день, но половина вопросов решается в письмах. Копируют всех, и все начинают отвечать на одно и то же сообщение. Потом им отвечают на их сообщения по отдельности, потом тот, кто затеял переписку, вспоминает что-то важное и встречается с новыми данными. Люди параллельно отвечают на пять линий сообщений по одной и той же теме. Письма множатся, падают одновременно, задваиваются, затраиваются...

«Вы распределили между собой, кто будет готовить документы для следующей клиентской встречи?» – спрашивает Тереза.

«Да», – пишет Том.

«Нет», – пишу я.

«Это делает Палома», – пишет Рика.

«На этой неделе этим занимается Рика», – пишет Палома.

Потом мы начинаем переписываться крест-накрест, по диагонали, по вертикали. И все мы сидим за соседними столами, не более чем в пяти метрах друг от друга. Временами это отдает каким-то тихим безумием.

«У нас разве нет графика и ответственных лиц?» – вклинивается Тереза. – Надо срочно создать описание процесса со всеми деталями. Должны быть ссылки на все, и везде нужно приложить скриншот».

Нас тем временем все больше. Из расформированного отдела, занимавшегося сопровождением длительных командировок, к нам переходит американка Кейтлин, ассистентом берут на работу поляка Лешека. Из соседних групп переводят итальянца, южноафриканку, перуанку.

Теперь в нашем отделе представлены все регионы мира. Разнообразие стран растет. Чем дальше, тем больше мы напоминаем мини-модель мира. И как модель мира мы совершенно дисфункциональны, чем только усиливаем аналогию.

Сначала я уверена, что достаточно разобраться в процессе, договориться, кто что делает, а потом следить, что все идет как надо. Делов-то. Но жизнь выходит на новый уровень сложности, и ты не можешь попасть в яблочко, когда оно все время передвигается с места на место и периодически вместо него появляется апельсин. Этот мини-мир вовсе не собирается подстраиваться под мое представление о том, каким он должен быть. До меня долго не доходит, что соответствовать невозможно, угадать нельзя.

Мы постоянно пьем кофе.

– Моя третья чашка за сегодня! – говорит Тереза. На часах еще нет двенадцати.

– Пойду тоже себе налью, – сообщает Палома и направляется на кухню.

Кофе есть везде и в любых количествах. На нашей кухне – несколько видов из кофемашины. По общему мнению, машинный кофе совершенно невкусный, но его можно сделать плотным и сладким, добавив молока и двойную порцию сахара. Тогда уже неважно, какой он на самом деле. На этаж выше, на кухне для партнеров, – продвинутая кофемашина. Там можно

заварить себе свежий кофе из специальной таблетки. Туда периодически наведываются Рика с Паломой и наша новенькая южноафриканка, имени которой я не могу запомнить. Это всегда целое мероприятие: «Пойдемте на партнерскую кухню?», «Мы за кофе на партнерской кухне!» Я замечаю, что порой эти походы длятся по полчаса.

В кафе на последнем этаже есть вообще все виды, с сиропами, на обезжиренном и кокосовом молоке, со взбитыми сливками, корицей, шоколадом и еще масса каких-то вариантов, все из которых выписаны на доске над стойкой. Мы стоим нашей небольшой группкой и ждем заказанный кофе.

– У кого какие дела на сегодня? – интересуется Тереза.

Все начинают перечислять.

– Марк прислал мне файл без объяснений, – говорю я. – Я ему написала, но он не отвечает, что нужно и когда. В заголовке письма указано «к завтрашнему вечеру», но это пересланное сообщение, и я не понимаю, это к нам относится или нет и что нужно делать. Еще сегодня нужно успеть подготовиться к обучающему звонку для других офисов, а у нас три встречи...

– Ксения, не ной! – бодро перебивает Тереза и подмигивает.

Я сбиваюсь с мысли. Она же сама спросила... Я ною? Разве я ною? В каком смысле, я не понимаю. Я же просто отвечала на ее вопрос.

– Посмотрите на нее! Ты что зависла? – Тереза кивает всем на меня. – Вот твой кофе! – протягивает мне мой стакан и тут же направляется назад к лифтам. Через десять минут у нас опять встреча.

Если не в офисе, то повсюду в пределах досягаемости обязательно есть «Старбакс», «Коста Кофе» или «Кафе Неро» и другие подобные заведения. Да что уж там, по городу и двести метров нельзя пройти без того, чтобы не упереться в какую-нибудь кофейню. Наркотики официально запрещены. Кофе и сахар – нет. И кофе, и сахара повсюду полно. Молочные берега и кофейные реки, по которым мы плывем с утра до вечера.

С кофе я решаю завязать, когда замечаю, что пью по три-четыре чашки. Завязать – значит пить по чашке в день. Тереза выпивает по пять-шесть.

На встречах, чтобы не скучать, я представляю, что мы на международной конференции, решаем судьбы мира. И каждый из нас – вроде как собирательный образ своей нации. Я за русских. Тереза за чехов. Марк и Том вещают от имени англичан. Ксавье, понятно, француз. Рика, хотя и давно в Англии, выступает у меня от лица Индии. Ну и остальные – стран у нас предостаточно.

На сегодняшней встрече появляется Марк. Нечастый гость.

Американцы задают издали повестку. Англичане развивают ее.

– Мы запустили пять основных стран, первый месяц прошел успешно. Итон передавал, что Джулия довольна, – сообщает Марк. – Скоро второй месяц. У нас все готово?

«Кто такая Джулия?» – пишу я Тому на клочке бумаги.

«Главная у клиента. Начальница Итона, а до этого была начальницей Марка на прошлой работе», – быстро печатает Том на экране своего компьютера, который видим только я и он.

– Ксавье? – англичане смотрят на французов.

– Да, все готово, я передал большую часть знаний команде. Рика теперь в курсе, как работают системы, разбирается в тонкостях отчета.

Англичане удовлетворены. Русские пока наблюдают.

По идее, это и меня должно касаться, поэтому я внимательно вслушиваюсь. Мне предстоит в какой-то момент забрать эту часть работы у Ксавье. Я с готовностью оглядываюсь на Марка, но он не смотрит на меня, и разговор идет дальше.

– В мае запускаем остальные сто стран. К этому времени у нас должен быть отлажен процесс, мы должны четко понимать, что и когда делаем, все должно работать, шаблоны на месте, таблицы состояния, отчеты по ошибкам... Но ошибок, разумеется, быть не должно! Тереза, Ксения?

– Всё на месте, Марк, – *чехи поддерживают английскую риторику.*

– Шаблоны давно готовы, – *сообщают русские*, – к маю мы несколько раз прогоним процесс, и если есть какие-то недочеты, то будем знать и сможем их исправить.

Русские стараются предвосхитить возможные проблемы, англичане недовольны тем, что упоминается сам факт возможных проблем.

– Отлично, но недочетов быть не должно, все должно функционировать идеально, – говорит Марк.

– Я понимаю, но мы же не можем заранее предугадать, будут ошибки или нет, это же новый процесс, к тому же мы постоянно вносим изменения в наши системы... – Я не понимаю, как можно ожидать, что все пройдет без единой ошибки. Так разве бывает? Главное вовремя их засечь. Я чувствую, что я говорю что-то лишнее, но не понимаю, что именно.

– Послушайте, это очень важно, – *англичане искусно возражают русским, не упоминая их напрямую*, – у нас не может быть ошибок! Все ошибки должны быть устранены на этапе тестирования. Мы делаем тестирование?

Тестированием я не занимаюсь и растерянно замолкаю.

В разговор снова вступают французы:

– Все системы были проверены мной еще в декабре. Все работает. Дальнейшее тестирование перешло к Тому. Том?

Французы самодовольно рапортуют и параллельно перекидывают ответственность на англичан.

Том смотрит на всех из-за очков.

– На прошлой неделе я протестировал системы. Все результаты с комментариями занесены в специальный файл. Необходимо, чтобы клиент присылал нам данные в установленном формате, иначе мы не можем их использовать. Марк, я тебе писал об этом, – *одна группировка англичан отчитывается и параллельно кидает камень в огород другой группировки англичан. Это их внутренние разборки, которые другим не очень понятны. Тут же ловким ударом англичане отбивают французскую подачу обратно и заодно забивают индийцам, чтобы уж наверняка.* – Что касается самих отчетов, то этим занимались Ксавье и Рика.

– Непосредственно проверкой отчетов занималась Рика, как я уже сказал, – *быстро парируют французы, демонстрируя, что контролируют самые разные направления*, – под моим руководством, конечно.

Марк переводит взгляд с одного на другого, и теперь его пристальное внимание фиксируется на Рике.

– Да-да, все работает, – *неопределенно сообщает представитель Индии, поднимая глаза от компьютера и сохраняя благодушное выражение лица.*

– А что у нас с описанием процессов? – *интересуются англичане, заглянув в повестку дня.*

Все смотрят на Рiku. В повестке дня значится, что она закончила свой продолжительный труд и сегодня презентует его. Она кивает и передает по кругу огромные листы с описанием. На каждого по экземпляру. Они распечатаны на цветном принтере. Мы внимательно изучаем их. На схеме нарисованы стрелочки, квадратики, кружочки, овалы. Все линии разных цветов и форм – прямые, волнистые, жирные, пунктирные... Рика тоже изучает их так, как будто видит впервые.

Я не могу поверить. Законченное описание процессов представляет собой бред сумасшедшего. Стрелочки, квадратики, кружочки – и все вместе это лишено какого-либо смысла. От схемы веет хаосом.

Лицо Марка вытягивается. Том окаменел. Тереза и Ксавье молчат, как будто вообще не имеют к никакого отношения к тому, что делала Рика. Та улыбается и неопределенно смотрит в пространство перед собой.

Я наблюдаю и жду. Сейчас кто-то что-то скажет. Марк или Ксавье. Скажут, что это бред. Но все молчат.

Сколько проходит времени? Марк смотрит на листы перед собой. Обычно подвижный, сейчас он застыл, как памятник. Лицо – как маска.

– Молодец! Отличная работа! Нужны лишь небольшие правки, – *англичане удовлетворенно кивают и обращаются уже ко всем собравшимся*: – Надеюсь, мы все понимаем, как важно держать процесс под контролем и не допускать сбоев. У нас сейчас ключевой этап. Джулия постоянно находится в контакте со Стивом. Клиент прекрасно к нам относится, и мы должны показать, что это доверие совершенно обоснованно. Все должно быть на высшем уровне! Прежде чем мы перейдем к следующей теме, какие-то еще вопросы?

Я не верю своим ушам. У меня из-под ног словно выбивают пол. Seriously? Почему-то больше не хочется ни о чем спрашивать и лишний раз не отсвечивать. Кажется, лучше не попадаться Марку и вообще исчезнуть с глаз долой, но я понимаю, что если сейчас не спрошу, то после встречи он куда-нибудь убежит, и снова я ничего не выясню, а потом окажется, что я что-то пропустила.

Русские между тем хотят определенности...

– Марк, хотела уточнить...

...Они как проблемный зуб, постоянно напоминающий о себе.

– Да, что-то еще?

– Ты прислал мне сегодня файл. Там про социальные выплаты. Я что-то должна с ним делать?

– Я же все написал!

– Ты просто переслал файл, без комментариев...

– Социальными выплатами занимается Палома. Она должна была внести данные в таблицу.

– Я внесла, – *отзываются испанцы, до этого мало следившие за происходящим.*

– А мне что делать? – не успокаиваюсь я. *Русским нужна полная ясность.*

– Я прислал его тебе для ознакомления. Палома должна переслать потом этот файл Ксавье.

– Я переслала, – говорит Палома.

– Замечательно. Вопросов больше нет? Тогда идем дальше.

На протяжении всего разговора итальянцы изредка порываются что-то сказать, но сдерживаются, ограничившись пару раз какими-то экспрессивными звуками. Поляки, южно-африканцы, перуанцы сидят молча, ничем лишним раз не выдавая своего присутствия.

Мне все равно не понятно, с чем именно я должна ознакомиться. Я решаю больше ничего не уточнять.

Вечером у кофейного автомата Рика говорит мне:

– По-моему, Марку не понравились мои описания...

– Но он же сказал, что ты молодец.

– Кажется, он не имел этого в виду... – И она смотрит на меня пристально, а я отмечаю, что у нее очень большие черные глаза в обрамлении пушистых ресниц.

От ее слов и взгляда я почему-то ощущаю легкое волнение. Словно небольшой сквозняк пронесется по этажу, вороша бумаги на столах, покачивая жалюзи на окнах, обдавая меня холодом по щеке. Где-то далеко трескается невидимая целостность нашего дивного минимир, и в образовавшуюся крохотную трещину проникает хаос.

* * *

Тереза подставляет меня как-то уж очень буднично.

Несколько раз Ксавье говорит мне, что надо отправить клиенту напоминание. Завтра дедлайн.

– Но мы еще не запустили процесс, – говорю.

– Надо, чтобы они привыкали. Скоро они будут получать такие напоминания каждый месяц.

– Ладно.

Я месяц сижу на встречах, общаюсь с коллегами в попытках разобраться, что происходит, и вот наступает момент, когда я могу перейти от слов к делу. Пишу мейл. А внутри екает. Зачем я слушаю Ксавье? Он мне не начальник и не может давать указания, с другой стороны, он много общается с клиентом и в курсе всего. Ходит и всем рассказывает, что и когда надо делать. И все его слушают. Даже Марк.

Правила мне знакомы. Кажется, если смогу соблюсти все формальности, покажу перед отправкой черновик Марку или Терезе, то никаких проблем.

Терезы нет. Я иду к Марку.

– Не посмотришь короткий мейл?

В компании есть правило «четырёх глаз». Кто бы что ни написал, за ним обязательно должен проверить еще один человек. Это позволяет избежать глупых ошибок, опечаток и откровенно неверной информации. Я действую строго по правилам. Это придает мне уверенность.

– А? Что? – Марку вообще не до меня. Кажется, он даже не привык еще ко мне и каждый раз, оказываясь в офисе (что бывает нечасто), смотрит на меня недоуменно. Мол, Господи Боже, Пресвятая Мария и все ангелы и архангелы, а эта еще что тут делает?! Откуда она вообще взялась на мою голову? Ну, или что-то вроде того.

– Мы должны завтра отправить напоминание. Это чтобы клиент привыкал к процессу.

– А, да-да, конечно...

Несколько секунд он смотрит на короткий абзац, исправляет запятую и вставляет пропущенную букву во фразе «не позднее 15 числа».

– Отлично, – улыбается так лучезарно, что я испытываю необъяснимые сомнения.

Я решаю на всякий случай показать письмо Ксавье. Он в Швейцарии у клиента, и если есть какие-то свежие данные или изменились обстоятельства, то он точно будет знать об этом.

Пишу ему. Он не отвечает. Потом звоню. Трубку не берет. «Все в порядке, – получаю от него спустя пять минут. – Вот только так по-английски не очень хорошо звучит». И он правит мне фразу про «не позднее 15 числа».

* * *

Утром не хочется вылезать из-под одеяла. Я чувствую, что где-то на фоне, на периферии моей жизни что-то происходит, нечто неуловимое, и оно единственное, что имеет значение, но я не знаю, что это. Мне нужна тишина, покой и одиночество, чтобы разобраться. Мне нужно много гулять, делать только то, что я хочу, наблюдать мир вокруг и не участвовать ни в какой суете.

Вместо этого надо вставать, собираться, идти на работу. За дверью спешно топает босыми пятками Арун. Он встает раньше меня. Я вздыхаю: даже дома я не бываю одна. В пространстве вокруг меня всегда кто-то есть.

А потом – дорога: МИ-6, госпиталь Святого Томаса, Биг-Бен, офис. Я ненадолго цепляюсь взглядом за Темзу, которая спешит рядом по своим делам. Желтая вода бурно переливается. В лицо дует ветер с мелкими капельками висящей в воздухе влаги. Чайки кружатся над водой, подпирая крыльями бесцветное небо.

Пока иду, прокручиваю в голове предстоящие сегодня дела, пытаюсь предусмотреть, спрогнозировать, понять, кто и что должен делать, как мы всё успеем, какие нужны шаблоны клиентских писем. Часть отдела занята организацией клиентской встречи: Палом с помощью Рики и под руководством Терезы печатает и проверяет таблицы, красивые графики, разноцветные календари, план проведения встречи и прочие документы. Все это печатается, исправляется, перепечатывается. Невольно задумаешься, сколько бумаги мы изводим на то, чтобы провести всего одну встречу, результаты которой заранее известны.

В офис я опаздываю.

– Слушай, по поводу вчерашнего мейла... – Тереза морщит лоб, словно силясь что-то вспомнить.

Голова ее занята другим, и я радуюсь, что она не заметила моего опоздания.

– Какого мейла? А, ну да, это тест. Ксавье сказал, надо отправить клиенту – я отправила.

– Да-да... вот не надо было отправлять. Марк недоволен.

– Он же сам проверил его.

– Надо было спросить меня. Теперь проблемы с клиентом.

– Не понимаю... – настроение уже не такое бодрое.

– Поговорим позже, – говорит Тереза сухо.

Марка нет. Тереза хмурится и что-то печатает. Я проверяю почту, но там никаких сообщений, которые бы пролили свет на проблему. Ничего не ясно, кроме того, что что-то я там накосячила с этими письмами: Тереза недовольна, а главное – недоволен клиент. Неожиданно чувствую себя виноватой, но не знаю, за что, и маюсь в неведении. Потом в почту падает сообщение, которое Тереза только что отправила Итону, а меня поставила в скрытую копию: *«Итон, я прошу прощения за то, что так получилось. Ксения не должна была отправлять вам письмо. Это огромная ошибка нашего сотрудника. Все произошло без моего ведома, я постараюсь уладить. Пожалуйста, игнорируй то письмо!»*

Час от часу не легче. Все так серьезно? Мне она ничего больше не говорит.

После обеда она назначает совещание. Похоже, дело плохо. Наш отдел собрался, и мы ждем только Марка – он вот-вот должен подъехать. Я волнуюсь и надеюсь, что хоть что-то еще можно поправить.

Огромный квадратный стол в переговорной занимает почти все пространство, а мы сидим по периметру. В окна бьются ветви деревьев, словно пытаюсь достучаться до нас, но их не слышно. В офисе отличная звукоизоляция. Тереза что-то говорит. В голосе – тревога, лицо напряжено. Я не могу сфокусироваться на смысле ее слов и только смотрю на подвижные морщины на лбу, их ровно четыре: три больших и еще одна маленькая. Остальные сосредоточенно кивают в такт ее слов. Никто не слушает, и всем, похоже, безразлично. Я слушаю, потому что волнуюсь. Потом приходит Марк и садится с краю. Тереза долго говорит. Когда она заканчивает, он осторожно спрашивает:

– Может, они просто хотят знать, что это за письма и зачем мы их отправили?

– Именно, зачем! Столько путаницы, и пока непонятно, что нам теперь делать.

– Так давайте им позвоним и обсудим. Мы же для этого собрались? – И он быстро набирает номер: – Итон, привет, это Марк, как вы там? По поводу писем...

– Привет, Марк! Да, я что-то не понял, о чем речь.

– Это просто тест.

– Я так и подумал.

– Какие-то есть вопросы по ним?

– Нет.

– Отлично, тогда до встречи – завтра буду у вас.

И отключает связь.

«И это все?» – недоумеваю я.

– Марк, ты просто мастер улаживать конфликты! – Тереза неожиданно весело смеется. Проблема решена, а на меня она даже не смотрит.

Кажется, тогда все и сбивается. Я вдруг чувствую себя в вакууме. Совсем одна, и никого на моей стороне.

* * *

Марк – мой ментор. Именно к нему я иду, потому что не понимаю.

Вообще, странно, что именно его назначили моим ментором. Ментор – это что-то вроде советника по работе, но не по клиентской, а вообще по любым вопросам, которые возникают у сотрудника: он должен вести душевительные беседы, объяснять правила игры, помогать выстраивать планы по карьерному росту, доносить до человека, когда им недовольны, представлять его интересы на круглом столе, а в сущности, помогать. Обычно ментором делают человека, который напрямую с тобой не работает, чтобы избежать субъективизма и личной вовлеченности, но в нашем отделе почему-то все наоборот: ментор – человек, с которым и на которого ты непосредственно работаешь. Получается, что если у тебя неразрешимые противоречия с начальством, то ты вроде как должен с ним самим их и разрешать, но они же неразрешимые? Нужен же объективный сторонний наблюдатель, посредник...

Между мной и Марком сразу существует напряжение, недоговоренность.

Когда мы пересекаемся в первый раз, еще нет никаких ожиданий и представлений друг о друге, мы даже не обменялись ни одной содержательной фразой, и пока между нами всего лишь «Hello! How are you?», а напряжение и недосказанность уже есть.

Эти ощущения никуда не деваются на протяжении долгих месяцев. Может, он считает, что мне лучше помалкивать и что я своими вопросами и комментариями мешаю процессу, что я должна быть просто винтиком и делать, что мне сказали? Или ему все равно, и я придумываю, а на самом деле его голова занята совсем другими делами – отношениями с бойфрендом, менеджерскими интригами, лавированием вокруг клиента. Может, ему и вовсе нет до меня дела и, скорее, он удивляется самому факту моего существования, когда я являюсь к нему с каким-то вопросом. Я не очень понимаю Марка. Мне кажется, что он говорит не то, что думает. Что именно он думает, я не знаю, но почему-то кажется, что ничего хорошего.

И еще, его почти никогда нет. Неделями я вижу Марка только мельком.

Однажды мне приходит от него приглашение на встречу. По правилам компании менторские встречи должны проходить регулярно: надо соблюсти формальности. Он не в офисе, так что нашу беседу мы проведем по телефону. В назначенный час я набираю номер и вишу на телефоне. Марка нет. Заглядываю в чат и пишу ему: «Привет, ты подключаешься? Я уже набрала номер». Ответа нет.

Спустя двадцать минут нашей получасовой встречи я вешаю трубку. Вечером получаю от него короткую заметку: «Извини, пропустил звонок, был на важной встрече с клиентом». С учетом того, что он уже два дня сидит в офисе клиента и вообще проводит там времени больше, чем у нас, я, похоже, делаю правильный вывод о том, как расставлены его приоритеты.

Проект определенно интересует его больше, чем я. Я его вообще не интересую, дана ему в нагрузку, и он меня на себе тянет, правда, особо не утруждаясь.

– Марк, по поводу того письма...

– Видишь, все в порядке. Да и вообще не было никакой проблемы, – он хмыкает, и на секунду прорывается что-то настоящее, за что мне хочется ухватиться.

– Слушай, ты мой ментор, я не знаю, что делать. Может, я что-то не понимаю про то, как тут все работает? Почему Тереза написала Итону, что мы все неправильно сделали? Никого не поставила в копию... Получается, себя выгородила, а всех остальных подставила. Из ее письма выходит, что мы тут друг с другом не общаемся и у нас бардак полный, а я так вообще с потолка пишу какие-то письма. Чего стоило сначала узнать, в чем суть ситуации, прежде чем отвечать что попало.

Марк смотрит на меня внимательно и тут же отводит глаза.

– Да, конечно, нельзя отвечать, ни с кем не поговорив, никого не копируя. А ты с ней разговаривала?

– Я не успела. Она все утро на взводе, и меня завела, но разве это я должна ей объяснять такие вещи? Я же не ее начальница. Как-то странно, если ее будет поучать подчиненная, не находишь?

– Тебе надо было уточнить у Ксавье и ничего не отправлять без уточнения с ним! – выворачивается Марк.

– Но я уточнила. Дважды. Он мне, собственно, и сказал отправить это письмо.

«Вообще-то, он мне не начальник, и я тоже не обязана его слушать», – думаю я про себя.

– Вам надо поговорить. Мы не можем вот так шептаться по углам, обсуждая друг друга. Выясни с ним, что не так. Извини, у меня сейчас другая встреча.

И Марк ускользает. Он всегда ускользает, как я понимаю потом. Никто здесь не хочет ни с чем возиться – разберитесь сами. Ментор должен поддерживать, помогать в конфликтных ситуациях, но главная конфликтная ситуация в том, что человек, который должен быть ко мне объективен, является по совместительству руководителем проекта и совершенно субъективен.

* * *

Мы с Ксавье договариваемся на одиннадцать утра. Как взрослые люди и ответственные сотрудники, собираемся конструктивно побеседовать, обсудить недоразумение, дать друг другу обратную связь и договориться о способах дальнейшего взаимодействия. Я сама предложила. Никому нет дела, и разбираться придется самой, а просто так это оставлять – неправильно.

В маленькой стеклянной переговорной работает кондиционер.

Он начинает первый. Всегда так. Ведет себя как начальник. Поделаться я с этим ничего не могу. Потом уже замечаю, что он так себя ведет со всеми – с Терезой, Марком, Стивом. Даже с Итоном – а он все-таки клиент! Но Ксавье все равно, он берет руководство в свои руки. Он уже лидер и продолжает расти как лидер. Все партнеры в восторге от того, что ему не надо ничего объяснять. Он сам кого угодно направит, объяснит. Деловой. А партнерам-то и лучше, и Терезе, и Марку – не надо беспокоиться. Человек-решение – все сделает, утрясет все проблемы.

– Тебе надо быть гибче, – говорит Ксавье приветливо, – тут все иначе, не так, как было в Москве. Надо уметь приспосабливаться к новым условиям. А ты пытаешься действовать по правилам, которые у вас были раньше.

В сущности, он прав. Я знаю. Но не во всем.

– У компании одни и те же правила по всему миру. Так сделано специально. Если мы будем в одном месте их соблюдать, а в другом в такой же ситуации пренебрегать, то будет бардак. И нельзя же быть гибким во всем! Иногда нужно проявить твердость. Все же наша забота – создать новый процесс, а не болтаться как лист на ветру. Разве нет?

Возможно, я слишком жесткая. Но он – слишком гибкий. Возможно, смысл в том, чтобы идти навстречу друг другу. Мне – быть гибче, ему – в чем-то более структурированным и системным.

– Я понимаю тебя и полностью согласен, – улыбается он. – Мы все обсудили? Или что-то еще?

Он ставит галочку в невидимый список и тут же точку. Говорить больше не о чем.

Ну и ладно.

Все знакомое и родное осталось далеко. Растворилось, как в дымке, и я держу себя только одной мыслью. Первое время надо просто пережить. Это адаптация. Дальше будет видно.

* * *

Мне с Аруном повезло. Ему со мной – нет.

Арун – самый настоящий индиец. Он вырос в Мумбае, который продолжает называть Бомбеем, учился на MBA в Оксфорде и теперь работает в банке в Сити. Успешная карьера. Впрочем, и в Бомбее-Мумбае у него все шло удачно: до Лондона он трудился в такой же конторе, как моя. Мы это выясняем в самом начале и обмениваемся понимающими взглядами, как единомышленники.

Он очень общительный. Ему хочется разговаривать, проводить время вместе, приглашать домой друзей, ходить в кино, ужинать за одним столом, а по вечерам вдвоем смотреть телевизор.

Я тихо радуюсь тому, что телевизор не работает и никто не сидит часами в гостиной. Бесконечное, вынужденное общение в офисе совершенно изматывает меня. Я с трудом доживаю до вечера, когда можно закрыть компьютер и уйти. Хочется отключиться от мыслей, но люди с работы словно поселились в моей голове, и я думаю о них постоянно. Кто что сказал, как я кому ответила, а может, надо было так, а может, иначе.

Мне кажется, Арун все время пытается влезть в мое личное пространство. Оказывает мелкие знаки внимания. То оставит конфеты на столе, то помоем мою посуду, а потом ждет. Приходит домой и ждет ответного внимания. Но я не могу. Зачем он это делает? Его просили? Хочется убежать. Оставьте же меня в покое! Чем больше он ждет, тем больше я прячусь. Наше общение держится на одних лишь нормах вежливости.

Придя с работы, я скрываюсь в комнату и дожидаясь, пока он закончит с ужином и уйдет к себе. Только потом выбираюсь на кухню. Если мы все-таки сталкиваемся, я разговариваю вежливо, но спешу скорее вернуться в комнату, отгородившись от мира, пусть даже и в лице одного Аруна.

Все, что мне нужно, – это территория, свободная от чужих людей, но такой территории у меня нет. Мое личное пространство сужается до размеров кровати, на которой я лежу не двигаясь. Где-то там, в паре метров от меня, пусть за дверью, пусть за стеной, находится Арун, и поэтому я почти все время провожу в комнате – лишь бы никого не видеть. Но даже здесь люди из моей головы не оставляют меня в покое.

Это не его вина. Он-то нормальный. Например, он, как никто другой, знает про всевозможные скидки по всему городу и наиболее выгодные варианты приобрести что-нибудь. Он смеется, когда я покупаю в ближайшем магазине сок за два с половиной фунта, в то время как в таком же магазине через несколько улиц можно купить две бутылки этого сока за три фунта. Он может порекомендовать мне приобрести упаковки четыре мороженого, потому что

сегодня на них хороший сейл. Меня постепенно возмущают его попытки нахваливать свою экономию. Со временем я начинаю по-добрососедски рекомендовать ему делать деньги, сбывая мне излишки дешевого мороженого или приобретая два сока по три фунта и получая за одну бутылку с меня привычные два пятьдесят. Целый же фунт навара!

Его экономия проявляется очень увлекательно. В нашей квартире он выбрал комнату получше, а значит, подороже. Зато весь первый месяц питался одним лишь рисом с приправами. Упаковку риса килограммов на шесть он оторвал в каком-то особенном магазине и очень гордился, что эти шесть килограммов стоили ему лишь немногим дороже, чем мой килограмм в привычной упаковке. Только через месяц, получив зарплату, он наконец накопил себе разнообразных скидочных продуктов и перестал вызывать у меня потребность срочно его накормить, обычно мне не свойственную.

Как-то раз он собирается в большой магазин со скидками и зовет меня за компанию. Я вдруг соглашаюсь. Он радуется. По дороге обучает меня азам экономии и пытается то ли мотивировать, то ли подлить масла в огонь: «Вот смотри, мы с тобой почти одного возраста, но у меня есть в Индии машина, квартира в ипотеке, и я выплатил уже двадцать процентов моего займа на обучение в Оксфорде!»

– У меня была машина – я ее продала. Квартиру в ипотеку тоже можно было бы купить, но хотелось оставить себе пространство для маневра! – парирую я.

Он качает головой и озвучивает переложенную на английский поговорку «копейка рубль бережет», а также цитирует ее индийский вариант, приобщая меня к великой культуре своей страны. Я ему рассказываю, что один пенс, может, и сбережет мне фунт, но я же знаю, что потом я пойду и потрачу гораздо больше фунтов и пенсов на что-то такое, что я просто хочу, само по себе, независимо от того, сколько оно стоит.

Мы подходим к магазину. Огромный «Теско» находится еще не в «плохом» районе, но уже на границе с ним. Что-то незримо меняется, когда ты удаляешься от «хороших» районов и попадаешь в плоховатые. Сразу и не скажешь – вроде те же улицы, дома... От стекляшки – нашего дома – надо перейти через автобусную станцию, а затем нырнуть в туннель под железнодорожными путями. Стены туннеля из потемневшего от времени и сырости кирпича сочатся подземными водами, в его сводах живут голубиные стаи, поэтому тротуар в туннеле загажен их пометом. Тут же надписи краской, листовки на стенах. Туннель – как мистический портал в те *другие* районы. Заходишь в него, а на выходе всё вдруг более угрюмое и бескомпромиссное. Маленькие магазины ширпотреба, больше мусора и ощущение запустения: в таких районах нет никакого лоска, биг-бенов, английских королей, русских олигархов, арабских шейхов, марафонов. Это самый что ни на есть hardcore Лондон. Такой же безликий, как спальный район любого города, но в то же время и чем-то осо³бенный. Мне не нравится ни эта дорога, ни этот «Теско». Я рада, что иду туда вместе с Аруном. Одна бы не сунулась. Не страшно, просто неуютно.

...Уже давно я не тратила столько денег на еду за раз! При этом все приобретено под руководством главного экономиста Аруна в полном соответствии с политикой скидок. Среди наиболее удачных приобретений фигурирует килограмм лососевого филе за десять фунтов и гигантская упаковка клубники за два пятьдесят (в то время как в соседнем магазине за «рупь писят» можно приобрести лишь тщедушную упаковочку!), не говоря уже о всякой всячине вроде двух упаковок влажных салфеток по цене одной, пресловутого сока по три фунта за две бутылки, огромного пучка мяты вообще за восемьдесят семь пенсов и прочих прелестей жизни.

На радостях мы покупаем бутылку просекко, потому что она стоит всего лишь пять девяносто девять, и Арун пытается сподвигнуть меня купить еще скидочную водку или упа-

³ Махровый, жесткий, бескомпромиссный. В русском тоже используется как сленг – «хардкор».

ковку пива из шестнадцати банок по пятьдесят шесть пенсов за банку, но я резко обрываю эти попытки: становиться алкоголиком из соображений экономии не входит в мои планы.

На кассе он хитроумно прогоняет сначала часть покупок, получает скидочный купон на пять фунтов и собирается использовать его, расплачиваясь за остальные, но не менее хитрые англичане, видимо, что-то подозревали и прописали, что купон нельзя использовать в тот же день, так что аттракцион неслыханной экономии не удастся.

Мы отмечаем День экономии экономичным просекко. Арун в два счета готовит индийское блюдо из специй, оставшегося риса и замороженных креветок, приобретенных с пятидесятипроцентной скидкой, снова припоминая мне пословицу про сбереженный фунт.

Мы сидим в нашей минималистичной гостиной и разговариваем о жизни в России и Индии, о политиках и ценностях, потом, как всегда, спорим о погоде. Что лучше, снег и зима или жара и солнце? Он говорит, что я просто не пыталась, одетая во все офисное, пройтись по набережной Мумбая в сорокаградусную жару. Я возражаю, что ему просто не приходилось по полчасу ждать вечером автобус на остановке при минус двадцати пяти...

Душевно так сидим.

Самое любопытное во всей этой экономии другое.

На следующий день в комнате я ем клубнику по два пятьдесят. Она совсем водянистая и уже слегка портящаяся, в отличие от той, в тщедушной упаковке. А еще, на ужин я второй день подряд ем лосось, и есть мне его предстоит еще минимум дня три. И я знаю, что в ближайшее время его точно больше покупать не буду, даже если они скинут еще пару фунтов в дальнем магазине. Да и мята завяла.

* * *

Эдна обсуждает, что подарить маме на юбилей. Все участвуют и предлагают варианты.

Глядя в компьютер, Тереза объявляет:

– Хорошо, что мои родители умерли и не надо беспокоиться, что подарить им на день рождения.

– Она не могла такого сказать, – ошеломленно возражаю я Тому, который пересказывает мне эту историю.

– Я при этом присутствовал, – говорит он.

Его взгляд бесстрастен. Глаза прозрачно-голубые. У него красивое мужественное лицо.

На самом деле я мало про нее знаю. Родители ее умерли, кажется, один за другим. Что произошло, неизвестно. Возможно, они болели. Она была замужем, но в тот же год развелась. Зато у нее есть сестра, которая с мужем и ребенком живет в Швейцарии. Тереза ездила к ней в гости, но потом что-то произошло, сестра перестала с ней общаться и не брала трубку. А потом Тереза еще и с женихом разошлась...

В инстаграме она публикует фотографии из кафе и баров. «Воскресный завтрак на Слоун-сквер». Или бокал вина с бликом – «Как хорошо встретить старых друзей».

Иногда она бежит. Похоже, это происходит бессистемно. Она приходит на работу в понедельник с неизменным бумажным стаканчиком латте и вдруг сообщает:

– Все мышцы болят – в субботу была на пробежку.

– А где ты бегаешь? – спрашивает кто-то.

– Спускаюсь от дома к реке и потом по набережным – до моста Челси, потом по другой стороне обратно.

– О, это много. Сколько же ты пробежала?

– Думаю, километров десять.

Потом мы подолгу не слышим о ее спортивных успехах, а инстаграм продолжают наполнять чашки кофе и запотевшие бокалы.

В один день она может быть милой и приветливой, шутить, смеяться. На следующий – прийти с непроницаемым лицом, смотреть безразлично или сказать какую-то колкость в ответ на рутинный вопрос по работе.

Первое время, кроме нее, у меня есть только Рика и Том.

Проверка отчетов для клиента переходит в мои руки внезапно. Тереза, Марк и Ксавье так решают. Меня они не спрашивают и не считают нужным предупредить, что час икс настал. Просто неожиданно я получаю от Ксавье отчеты на проверку, а потом он сообщает, что все, что нужно, объяснил Рике. Вечером их надо отправить.

Рика сидит и улыбается. Меня охватывают худшие опасения.

Начинаем проверять. Ничего не сходится. Суммы не совпадают. Цифры не складываются.

Мы смотрим на отчет, обе испуганы и напряжены. Она не может признаться, что что-то не поняла – Ксавье просидел с ней все праздники и оповестил отдел, что она теперь главный гуру после него. Я тоже не могу признаться: я менеджер, и если я не понимаю, то чего ожидать от нее.

На мониторе красным цветом выделены строки таблицы, где цифры не сошлись.

– Кажется, знаю! – говорит Рика. – Давай я сейчас порешаю, а потом тебе покажу.

– Давай вместе.

– Нет, мне нужно протестировать несколько версий, они могут быть неверные... это долго... я буду отвлекаться... Я сделаю и тебе покажу.

Я неохотно соглашаюсь.

Только спустя пару месяцев я узнаю, что, как только я ухожу, она звонит Пранаву. Он программист и вообще в другом отделе, но к нам относится хорошо. Она просит его посмотреть ошибку – он помогает. Потом она приходит ко мне с результатом: «Я поняла, надо вот так». Я долго не могу взять в толк, почему она не в состоянии внятно объяснить, почему надо именно так и как у нее в итоге все сошлось. Она мнетя, виляет и не может повторить аттракцион на бис.

Я сбиваюсь, мы дергаем друг друга. Внутри копится отчаяние. Все настолько путано, а время близится к окончанию рабочего дня. Сможем ли мы разобраться? Почему-то кажется, что если не сможем, то мир провалится в пучину, испортится весь процесс эволюции, все закончится и человечество превратится в пыль. Времени на рефлексии нет – мы должны спасти человечество. И мы проверяем дальше. В другом отчете снова ничего не совпадает, таблица краснеет от ошибочных данных. Отчет должен уйти клиенту сегодня.

В пять вечера заканчивается рабочий день. К нам заглядывает Тереза:

– Надеюсь, у вас все хорошо, я ухожу. Вам нужна моя помощь?

Я заметила, она любит так делать: как можно проникновеннее спросить, может ли она помочь. Беспроигрышный ход: все знают, что помочь она не может. Крыть нечем.

Рика улыбается и отрицательно качает головой. Я злюсь. Да, нужна! Как она может уйти в день, когда мы в первый раз самостоятельно отправляем эти чертовы файлы, и оставить нас? Так мы команда или нет? Но я ничего не говорю.

В шесть часов появляется Ксавье. Его, оказывается, Рика позвала. Я снова злюсь, но без него мы не справимся. Не могу сказать, что он ликует, в очередной раз продемонстрировав свою незаменимость. Он уставился в алеющий файл и тоже ничего не понимает.

– Почему не сходится? – бормочет он, совершая манипуляции с отчетом, – покажите, как вы проверяли... Где-то вкралась ошибка... Такого не может быть...

Вечер только начинается.

В начале девятого мы переходим к самому интересному. В разгадку интриги втягиваются новые люди. Я с маниакальной одержимостью переписываюсь с Томом. Рика фанатично пишет

Пранаву. Ксавье сидит между нами. Он ушел в себя и полностью погрузился в отчет, где что-то не сходится. Мы спасаем мир. Мы должны его спасти, черт возьми!

На компьютере одновременно мигают несколько окошечек чата, с десятков сохраненных версий отчета, несколько исходных файлов. Я выбегаю из переговорной, где мы сидим, чтобы добежать до кухни и выпить воды: от напряжения дикая жажда. Приношу стаканчики Рике и Ксавье.

Ближе к десяти Том и Пранав не выдерживают и приходят к нам. Мы впятером забиваемся в крохотную клетушку и пытаемся докопаться до проблемы. Нас посещают озарения, где может скрываться ошибка, мы тут же проверяем гипотезы... Наш маленький международный союз (с участием двух представителей Индии) запускает корабль в космос.

В какой-то момент я выключаюсь из этого увлекательного занятия и незаметно оглядываю нас всех. Взгляды устремлены в компьютер, где Ксавье заполняет строчки проверочного файла цифрами и формулами. Матрица цифр на экране. Центр управления полетами. Хьюстон, у нас проблемы! Я ловлю себя на том, что мне нравится. Какое там нравится – я абсолютно тащусь от этого! Передо мной головоломка, которую чертовски увлекательно разгадывать. И я увлекаюсь, как одержимая.

– Вот оно! – кричит Ксавье. Практически «эврика!».

Ответ найден. Сбилась формула на одной из многочисленных страниц и почему-то считала не все суммы, а только до половины столбца. Но это уже не наша проблема, а разработчиков, которые где-то накосячили. После нескольких часов свистопляски мы вручную в пять минут исправляем отчет и в начале двенадцатого отправляем его клиенту.

Я благодарна Ксавье. Пусть он и нарцисс, но без него мы бы не справились.

Время близится к полуночи, когда я выхожу из офиса. Сегодня коллеги в моей голове спят и не беспокоят меня болтовней. Ведь можем же, думаю я, вот когда надо, собрались как команда и все сделали!

Я воодушевлена, но, пока я иду вдоль темной Темзы, что-то не дает мне покоя.

Ну как, спасли мир? Человечество вне опасности?

Кажется, я улавливаю саркастические нотки.

На следующий день утром Тереза посылает письмо, что мы – молодцы и звезды, но словно уже слишком поздно. Вчерашний успех с файлами и блестящая командная работа при свете дня кажутся чем-то обыденным, мелочью. Мгновенные адреналиновые радости офисного наркомана быстро развеиваются, и я снова чувствую себя в паутине бесконечного рабочего дня, рабочей недели, рабочего месяца. Все дни похожи друг на друга. Улыбающиеся лица – всего лишь маски, прикрывающие... Что? Что там за ними?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.